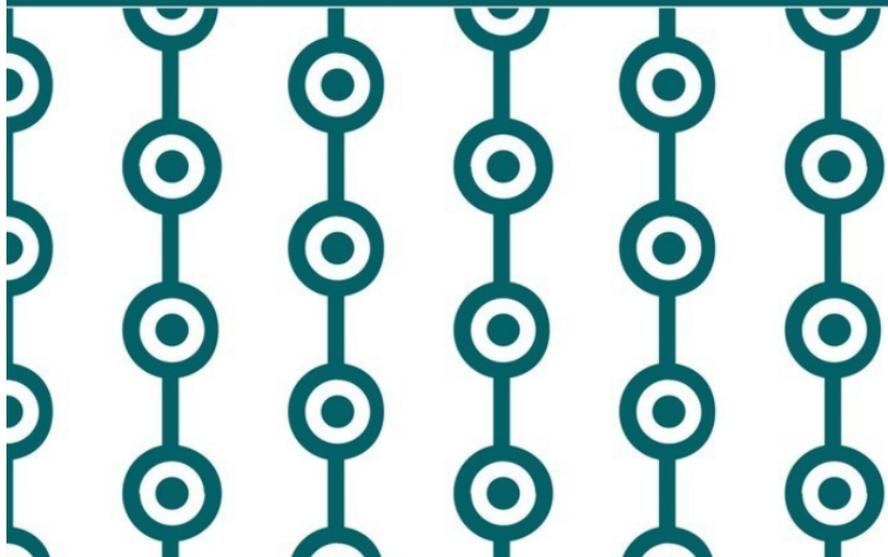

Михаил Буканов

*Царь Додон,
он не долдон*

pulp fiction

Михаил Буканов
Царь Додон, он
не долдон. Pulp fiction

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24716044
ISBN 9785448541742*

Аннотация

Уважаемый читатель! В позиции автора улавливается влияние братьев Стругацких, Севера Гансовского, Лукьяненко, Шекли и Катнера. Но никто не может исключить и такую версию, как полностью самобытное творчество, что тебе предстоит и решать по прочтению. Автор прост, как тот самый Панько Рудый у пана Гоголя, который вдруг взял да и пустил в жизнь несколько очень самобытных историй, давно зачитанных до дыр всеми нами. Тут всё для вас.

Содержание

Из жизни народных комиссаров	6
Здравпункт	21
Реалии	26
Волчья правда!	31
Бывает...	34
Никто не любит крокодила	40
Зайцы атакуют!	45
АНГЕЛ	48
У нас в средней полосе	51
Диалектика	53
Апель-плац в Аду	53
Утро в Раю	57
Из жизни памятников!	61
А я фольклёрный персонаж	70
Про жабу!	74
Путаница!	79
Новочеркасск. 1962 год	82
Изгнанные из рая	91
Короткие рассказы об очень простой вещи!	100
К слову пришлось!	107
Сон мне-жёлтые огни...	110
На кладбище	113
ТАК БЫ И УБИЛА!	116

Новая история Айболита	122
Новая история Мойдодыра!	139
Путаница	145
Да ладно, замнём для ясности!	156
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Царь Додон, он не долдон

Pulp fiction

Михаил Буканов

© Михаил Буканов, 2017

ISBN 978-5-4485-4174-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из жизни народных комиссаров

Пьеса в трёх актах

Действующие лица:

Дыбенко – наркомвоенмор.

Коллонтай – нарком социального призрения.

Инесса Арманд – женщина свободной профессии.

Лариса Рейснер – комиссар Волжской флотилии.

Военные и моряки, неизвестный.

Кабинет Дыбенко. Стол с зелёным сукном. Лампа. Телефон. В кресле сидит сам герой.

Дыбенко: Так! Вот и бумага. Очень хорошо, и штамп Совета Народных комиссаров в углу. Всё как у людей. Махнуть что ли? Без вопроса. То-есть, я матрос, так у матросов нет вопросов. Наливает себе из стоящего на столе графина в стакан. Щоб дома не журились. Медленно пьёт и занюхивает рукавом.

Какой-то у них в Наркомпроде спирт гнилой! В цистерне что ли из-под нефти везли? Поубивав бы!

Но, не можно. И за такой вот спирт я в царских каторгах пропадал? Да ни за ради ж бога! Я этому Цурюпе при встрече шмазь сотворю. Глиста интеллигентная. Правильно

Ильич про них, гадов, сказал: Интеллигенция не мозг, а хавно нации. И пахнет от того Цюрюпы соответственно. А вот тут у меня в столе и сало есть. Хлебное. Врут, небось! Какое у кацапов может быть сало? Делает себе бутерброд, размером с буханку и медленно откусывая ест. Не, сейчас ничего. Разбирае! Так. Начну писать. Во-первых строках своего письма я, как лицо официальное, народный комиссар по военным и морским делам, пишу вам, друже посол Соединённых штатов Америки, личное послание. Будь ласка, сделай так у себя на родине, что бы моей родной сеструхе платили полный пенсион. Она сейчас проживает у вас. Что до меня, то я, в силу разных причин, не могу сейчас поддержать её материально. Вы знаете, что наша рядяньска страна ведёт бои во враждебном местами окружении. Связь с войсками и то нам очень держать трудно, так что не до Америк. Да и почта работает плохо. Тяжёлое наследие царского прижима. Шановные мосьпане! Я в долгу не останусь. Если вам понадобится чего из того, что в моём полном ведении, приходи, будь ласка, обсудим. Так что до побачення и здоровеньки булы! Стучит кулаком по столу. Никого! Стучит опять. Входит лощёный адъютант. В руках папка.

Адъютант: Чего изволите?

Дыбенко: Я тебе по рогам настучать изволю, потрох сучий! Опять с секретутками проклаждаешься. Тут гумаги важные без движения, а до тебя не достучишься! Салопупы несчастные, сухопутные.

Адъютант: Извините, товарищ народный комиссар. Тут же тамбур для секретности разговора между дверей. Вот я там ничего в прихожей и не слышу. А что, кнопка вызова сломалась?

Дыбенко: Ты мне тут учёность не кажи. Кого надо я по кнопке вызываю, а тебе и стукнуть кулаком в стол достаточно. Ишь, моду взял оговариваться. Да я тебе рассосредоточу! В пыль! Ладно! Чего ты пришёл, коли вызова мово не слышал? Из Совнаркома послание? От Ленина? Вот это так. Вождь всего мирового пролетариату послания пускает, а тут штафирка казённая до меня его не доводит. Вот ускочив, так ускочив! Так мой кум Панас вареныки с вышней кушал. Ел, ел, да заснул. И мордой у мыску со сметаной брякнулся. Га-га-га! Как москали горгочут: Срал, срал, да упал! Га-га-га! Ты вот что, читай чего там написано. С толком читай, не сепети!

Адъютант: Товарищи!

Дыбенко: Вот гад! Я без тебя знаю обращения советские. Цоб цобе, цоб цобе! Ты чего, волив гонишь, али как? Суть читай, бусурман!

Адъютант: Социалистическое Отечество в опасности.

Дыбенко: Понял. Ты только про своё, тебе близкое и дорогое читаешь. Да я тебя в Чеку загоню. К Феликсу. У нас сейчас февраль 1918 года, а ты, гад, как на митингах в семнадцатом! Говори своими словами, контра. Расплющу!

Адъютант: Автор анализирует сложившуюся ситуацию,

отвечает на вопросы о том, что именно нам надлежит делать, призывает подняться всем прогрессивным силам на защиту Социалистического Отечества от контрреволюционных сил Юденича и обязательных атак германских войск. Короче, положение в стране, в данный момент, лично мне, напоминает положение во Франции, во время перехода власти от Триумвирата, в руки тогдашнего Первого консула, а, позднее, императора, Наполеона! Сам Юденич им и станет.

Дыбенко: сидит с открытым ртом. Ты, мудила грешный, сам-то понял чего сказал? Какая триумвирата, кто кого консул? Игде тот Юденич, и игде тот Наполён? Это Ленина послание! Для народу простого! А ты так всё изложил, что для понимания даже моего четырёхклассного училища и то мало! Всё! Будя на сегодня. Держи письмо. Упакуй, печать сургучёвую, ну, там адрес. Что б всё, как у людей. И отправь. А ко мне вызови на совещание от Балтфлота кого, да, хоть Беляева с «Авроры». Командующего обороной Петроградского укрепрайона Лундквиста. Я сам матросиков поведу в бой! Засиделись на линкорах, да крейсерах альбатросы, скитальцы морей! Пущай, пробздытятся!

Свет гаснет и зажигается опять. Там же. Дыбенко, уронив голову на стол, спит. Звонок телефона.

Дыбенко: Я. Кто я? Головка от х**?* Какая головка? Ничего не понимаю. Погодь трохи, будь ласка! Берёт графин и с недоумением обнаруживает, что он пустой. В телефон. Погодь, погодь! Достает из-под стола канистру, пьёт из гор-

лышка! Занюхивает рукавом. Ты чего говоришь? Ты вообще кто? Дежурная телефонистка? А чого басом гутаришь? Твёрдый шанкр разбушевался? Не, я точно пить брошу. Кладёт трубку. Звонок телефона. Берёт. Кто говорит? Из приёмной Ленина? Слушаю, товарищ. А перед этим ты звонил? Ага, ты! Шутил так? Чего тебе, то-есть, тебе, надобно, хлопче?

К одиннадцати Ильич совещание собирает? Малый Совнарком? Буду беспреметно, тьфу, буду непременно. Всё, давай отбой. Крутит ручку. Стук в дверь. Входит адъютант.

Адъютант: Товарищ народный комиссар. По вашему приказанию прибыли на совещание вызванные представители. Прикажете войти?

Дыбенко: Слышь, ты! Пива добудь. И, там, рыбки солёненькой. Я скажу, когда подать. Зови всех гуртом. Думать будем. Входят представители Укрепрайона и Балтфлота. Усаживаются вокруг приставного стола. Слышь, Лундквист, что там у тебя с обороной под Нарвой и Псковом? Сколько войск завесы мы там имеем против возможного наступления? С патронами как? Снаряды не все ещё расстреляли. А то мне докладывали, как вы там охоту на кабанов устроили с батареей трехдюймовок. Чого, з глузду зыхали? Пулемётив вам для этого мало? А вот герман прийдёт, мы его как, в штыки встретим? Отвечай?

Лундквист: Чистой воды поклёп и поношение. Дело было так. Под видом стада кабанов значительная группа вражеских солдат, частично переодетых в животных, предпри-

няла попытку проникнуть в наше расположение. Мы, с командиром полка Гржим-Гржимайло находились в рекогносционных целях на позициях. Я и приказал открыть ураганный огонь по врагу. Из пушек.

Дыбенко: Ты проще будь. Неча лабуду нести. Какие враги! Потом осмотрели и увидели кабана и двух подранков. А вы били по целям полчаса! Ладно! Дело прошлое. Вы вот что. В ваше расположение с отрядом матросов прибуду лично. Поразим врага под Псковом и Нарвой! И этот день ещё будут праздновать много лет. В любом случае. Адьютант, пиши. Выслать в указанное время группу корреспондентов от «Правды», «Труда» и «Известий». Текст их последующих статей я завизирую лично сегодня, ещё до отбытия. Так что победа, даже в случае интересного положения, если мы будем в дупе глубокой, явится на нашей стороне, или, за нами. Чего-то я тут путаюсь. Корреспонденты поправят! Теперь от Балтийского нашего флота. Белоусов! Спишь, насекомое? Что нет? Ишь зенки опухли. Это же надо. На крейсерах и линкорах отсиделись от войны, из-за щёк ушей не видеть, так и теперь ещё спать. Это вам не офицерей-драконов с борта на лёд метать. Возьмёте винтовочки, штыки прикнёте, да вперёд. Вона, Ленин говорит: Социалистическое Отечество в опасности! Выделишь народишко в распоряжение моё лично. Сам впереди всех пойду. Спасём Родину и революцию. Адьютант, излагай.

Адьютант: Товарищи! Непосредственный план операции

разработан и утверждён. Вы можете получить его копии в секретариате нашего наркома. Выступление завтра. Эшелоны буду подаваться к Финляндскому вокзалу. На группу из ста человек – одна полевая кухня и гармонист. Отбытие ровно в пополудни. Взять с собой сухой паёк на три дня. Продукты питания для кухонь подвезут от наркома Цурюпы. Всё у меня, товарищи!

Дыбенко: И у меня всё. Надо бы домой заехать, поспать чуть, да и расслабиться перед боем не мешает. Как говорит Феликс Эдмундович, до видзенья! Адыютант, пива с рыбой носи нам всем на дорожку!

Квартира Дыбенко. Огромная кровать за роскошной ширмой, рояль белый, кожаная мягкая мебель и шёлковый диван с драконами. Обеденный стол с полукреслами. Входит Дыбенко.

Дыбенко: Сашка, тля, ты где? Мужик пришёл, а дома шаром покати. У меня, может, потребности выше возможностей. А как справиться, коли бабы нет? Вылазь, курва-мама!

Из-за полога кровати выходят Коллонтай и Арманд. Обе в неглиже. Вытирая губы, подходят к зеркалу и подкрашиваются. Арманд молча садится на диван, а Коллонтай подходит к Дыбенко.

Коллонтай: Чего орёшь? Не на митинге. Не могу я сейчас. И Инеска не может. Переувлеклись с нею. Обкончались. Ты

портки сдирай, да дуй за ширму. Там Лариска горит вся, она тебя и ублаготворит. А мало будет, я к тому времени отойду. Давай, наркомушка, дуй до горы. Крепи единение с Интернационалом. Ты – хохол, я – наполовину хохлушка, наполовину шведка, Инеска вовсе французского разлива, а Рейхснер, ты гляди как хер то в ней отзывается, из немчиков будет.

Ты за какой Интернационал стоишь? Европейский, ежели, то пожалуйста. А негрех и китаёзок у нас нет!

Дыбенко: Я ведь тут вас всех барал, и ни разу не соврал, не подвёл, не пропустил, трахал, сколько было сил. Так что весь Интер и нал я в постел давно загнал! Как тебе стихи? Мне их Придворов сочинил. Он теперь под апсердонимой Демьян Бедный пишет. А я даже выучил. Хотел тебя удивить!

Коллонтай: Ты, давай, а то Лариска нас всех замучает. Злобучая баба. Ты бы ей нашёл место, где она довольна бы оставалась!

Дыбенко: Я её к Коле Маркину пошлю. Комиссаром на военную Волжскую флотилию. Уж там-то морячки с голодухи досыть ей помогут. Перестанет мохнатка чесаться! Сотрётся, и мех повылазит. Как на той горжетке при езде на велосипеде!

В процессе беседы приближается к пологу кровати. Оттуда высовывается рука, хватает его за гульфик и втягивает за полог. Слышатся стоны, вскрики и прочие звуки.

Сука! Ты чего тянешь? Оторвёшь, дура! Вот это другое

дело. Раз-два, раз-два. Поскакали!

Арманд: У тебя лак какой? Красный? Я возьму. Красит ногти. А люблю я вот так, ноготочками, да по голой жопе. Впечатляет. Только нельзя. У Володи баба бдительная. Прямо, в пенсне комиссар государственной безопасности во времена Французской революции. И обнюхает его, и осмотрит. Ревнивая, сучка! А уж крокодил, не приведи господи. Я тут с ней в бане была. Ужас. Страсти-мордасти. С ней ежели вопросы продления рода решать, то никакой водки не хватит. Не поднимется, даже именем революции! Смотрит себе под рубаху. Вот, гляди. У меня четверо детей, а грудь красивая. Живот доской. Нигде ничего не висит. Как говорят кухарки, всё в плепорцию. А у неё, а у неё! Не рожала ни разу, а тощие груди до пупа висят. Пузико кривое выпирает. Сзади ничего. Доска и два соска! Корокодил! Вот Володя до меня и ходит. А я что? Своего мужика имею? Соу! Ит из натинг, – как говорят североамериканцы. ****а не лужа – останется и для мужа! – это уже наши родные осины! Сермяжная правда. А Володька в постели забавник. После его кактуса! Я, вроде как, и от него понесла. Слава Богу! Род продлили и побезумствовали. А ты как со своим дурачком?

Коллонтай: А чего? Как поэты говорят: Ты нарком, и я нарком, будь хоть круглым дураком, но, пока при власти, поживи во сласти! Он, по мужицкой сущности своей, считает себя главой всего, а я и не отказываю. Он глава, я шея. Куда шея повернётся, туда и глава смотрит. Равноправие при

полном и обоюдном непротивлении сторон. Тем более, да ты и сама знаешь, в постели он бугай. А чего бедной де-вушке ещё надо? Статью мою помнишь про стакан воды? Вот именно! Перепихнулся, как воды выпил, а любовь и мо-раль это всё буржуазные штучки, призванные отвлекать мас-сы от мировой революции! Нам отвлекаться некогда. Быст-ренько нужду половую справил, и бегом на баррикады. Вот так! Нарком! Ты там ещё живой? Вылезайте, к балтийской матери. Будем чай пить. У меня марципаны от Филиппова. Лариска! Отпусти мужика на покаяние, к малым детушкам. Высовывается всклокоченная голова Дыбенко.

Дыбенко: К каким детушкам?

Коллонтай: Ты половину Питера перетрахал. Неужто у те-бя нету детушек? Технически, должны быть! Заинтересовал-ся! Вылезай, кнур!

Рейхснер, выходит из-за ширмы, обнимая и ведя Дыбен-ко.

Ты, извини, подруга! Я тут ему немного надорвала при-чинное место. Пройдёт. А что я могу? Как в экстаз войду, ни-чего не соображаю. Одно слово – Валькирия. Или, ежели по-нашему, женщина -комиссар! Усаживает Дыбенко в кресло. Садится сама. Коллонтай накрывает на стол. Чайник, чаш-ки, сахарница, сухарница с марципанами. Большая бутылка рома. Дыбенко наливает себе ром в чайную чашку и залпом выпивает. Ох! Хорош у тебя чаёк. Жуёт марципан. Вот бур-жуины. Чего только ни напридумывали. Гадость! Берёт и ест

ещё один, ложится на диван, кладёт голову на колени Армандт и засыпает. Темнота.

Железнодорожный вокзал. Жуткое захолустье. Всюду спят матросы. В буфете сидит Дыбенко с группой моряков.

Дыбенко: Это мы где? В Поволжье. Ни хера себе. А как мы сюда попали? Кто в Питере? Ленин где?

Матрос: погоди спрашивать. На, испей! Подносит Дыбенко глиняный глечик с самогоном. Тот пьёт. Рукой ищет закуску, находит воблу и занюхивает.

Другой матрос: Так что вот. Помнишь как ехали на отпор врагу под Псков и как немцы нас направили в обратном направлении? Дыбенко отрицательно мотает головой. А как ты приказал отступать и ехать за подкреплением помнишь? Реакция та же. На Питер дорога отрезана, машинист и маханул окружными путями, остановились здесь. Когда мост через Волгу переехали.

Нас тут человек триста с хвостиком.

Дыбенко: А почему я не помню ни хера? Это как объяснить?

Первый матрос: Так ты в поезде под Псковом пить начал, и ночью с полки в проход рухнул. Даже столик головой отбил, но не проснулся. Ещё выпил и заснул. Вот только сейчас с нами сюда и пришёл!

Дыбенко: Так мне надо в Питер. Я же ж народный комиссар! Только боюсь не поймут меня правильно. Вроде, как де-

зентир я получается. С фронта сбежал. И куда? В Поволжье. Тысячи полторы вёрст от места боёв! Что делать? Так! По-первам надо здоровье поправить. Пьёт самогон.

Вот и мысли появились. Никуда я не сбежал. Просто перешёл на нелегальное положение. Подпольщиком стал. Так, братва. Слушай мою команду. Сейчас пьём три дня, в себя приходим. А затем я всех распускаю по домам для подпольной работы. Я и сам буду на Украине листовки расклеивать и красные флаги поднимать! Стонет ненька Украина под гнётом немцев. Защищу! Гадом буду! Какой есть город поблизости?

Второй матрос: Так, Свяжск.

Дыбенко: Конфискуй машину, в крайнем случае фаэтон, и проезжай в тот Свяжск. Я тебя командиром полка назначаю. Конвой возьми конный. Подбери морячков с Украины, кто на конях может. Гранат возьмите побольше, пулемёт на фаэтон или машину, мне тебя учить?

Второй матрос: Ясно, батька! Всё будет изготовлено. А чего у мисци том нам робить надо?

Дыбенко: Ты по-русски говори, тютя! Чего на суржик перешёл? Что делать, что делать? Чернышевский ты наш. Слышал о таком поэте-песеннике? Большой был революционер, за что и пострадал. Шпагу ему над головой сломали. Ты секи! Мне Чичерин рассказывал. А как шпагу сломали, сразу в каторгу. Потому – без шпаги. Понял? А ты говоришь что делать! Мы им не дадим оружие наше над головами наши-

ми ломать. Сами кому надо вломим, а кому надо и засадим по самое не балуйся. Что бы гланды не болели. Это уже мне Семашка рассказывал. Но, я не про это. Банк найди какой! Места глухие, буржуи не пуганные, а братве на дорогу золотой запас нужен. Понял, противень? Это тебе не с кумом чепелю мериться. У кого больше, тот и пан. Как в соседней стране ляхи мувят! Полк возьми, и без денег не возвращайся. Не пойму и шлёпну. Насмерть, учти!

Первый матрос: Тут до вас якись шпак долгоносится. Пристрелить, что б не мучился?

Дыбенко: Вот тебе так сразу и стрелять. Может нужное что принёс. А пристрелишь, как с ним разговаривать? Волокёшь в разговорах с упокойниками? Я так нет! Давай.

Входит человек в цилиндре, фраке, брюках со штрипками и босой.

Дыбенко: Ты кто и почему ко мне без сапог являешься?

Человек: Престидежитатор. Ловкость рук и никакого мошенства! Были у меня сапоги, только в прихожей вашей остались. За дверьми.

Дыбенко: И зачем ты их снял? Житатор.

Человек: Матросики попросили так, что я отказать не смог. Жизнь дороже.

Дыбенко: Это к делу безотносительности всякой. На жалость давишь, контра? Да я тебя в распыл сиюмоментно! К праотцу Адаму и его блаженной памяти матери. А ну, канай ближе на полусогнутых! Говори зачем пришёл, потом

слушай, чего я командовать буду!

Человек: Слышь, «Иван», не при в растопырку. Маза есть! Я пошёл налево, там филки смурны хиляют, а прямо без понятия. Рыжь всем нужна. Шалавы, марафет, бимбер со звонном рыжий, лепенёк новый со шкарами и колёсами. Сечёшь? Ты тут не при делах, так я скажу. В городе угол шикарный у одной шмары. Брюлики царские. Сама из столицы сбежала. Сшибить бы надо. Смассовать! Идём брать эту хазу на пару. Берём угол в шесть секунд. Четыре сбоку, ваших нет, и ихняя не пляшет. Не забыл блатную музыку? Хабар пополам, и ноги в руки. Я майданщика-барыгу знаю. Скинем.

Дыбенко: Обзовись! Может ты чмо последнее, из под шконки не вылезал, без машки спал у параша.

Человек: Гнутый я, пахан. Тебя помню. Мы в Томске на крытке вместе кочюмали.

Дыбенко: Помню тебя. В авторитете был. Дуванить где будем?

Человек: А там же. Но, уговор. Ты своих не бери, а я своих. Пополам. Когти рвём, и по тундре, по широкой дороге...

Дыбенко: Срослось. Братва, мне с человеком отойти надо. Переоденься, а то фраер фраером. Там, кто-нибудь, форменку мне и штаны от робишки. Сапоги ему верните. Ай, я, яй! Революционеров грабить? Честно надо на жизнь зарабатывать и в жестоких боях... Тьфу! Забылся. Пошли, братан!

Всплывёт Дыбенко в конце Гражданской войны. Первый

орден Красного знамени за истребление восставших матросов Кронштадта. Второй за крестьян Тамбова. Или наоборот. Их почти вместе дали! Последняя военная должность – Командующий Ленинградским военным округом. Последняя должность вообще – зам. Наркома лесного хозяйства. Расстрелян в 1938 году! Враг народа!

Скажете нет?

Здравпункт

Примерно к середине дня поток посетителей почти совсем прекратился. Наступало время обеденных перерывов в цехах, а зачем же идти в здравпункт, ежели можно сходить пообедать? А после, в рабочее время на болячки сходить пожаловаться. Порезы. Ушибы. Царапины, ожоги. Глаза с соринками металла или попавшей туда стружкой. Сердечные приступы. Удушье. Кашель, простуды. Да, всё, что может быть у больных людей, проходило передо мной за сутки. Хорошо, если не было крупной травмы или инфаркта. До инсультов дело как-то не доходило. Может, в силу специфики производства? Шарикоподшипниковый завод работает круглосуточно. Но, большинство заняты тяжёлым физическим трудом. Голова остаётся в покое. Вот мозг и сберегается! Я сидел в довольно большой комнате. Письменный стол. Перевязочный столик. Средства первой и прочей помощи в стеклянных шкафах. Обтянутая клеёнкой и застеленная простынёй кушетка. Два стула перед столом. Вот и всё! Окон в этом помещении не было. Прямо за моей спиной располагался смотровой кабинет для регулярных гинекологических осмотров. Там стояло смотровое кресло, стеклянный шкаф с набором инструментов, боксы со стерильными материалами. Мне надо было писать курсовую работу, темой которой являлась концепция Лучицкого по вопросу гугенот-

ских войн во Франции. Исторический факультет требовал своего. Я уже несколько раз посещал место, известное всем гуманитариям-студентам как Историческая библиотека, запасаю массой выписок и цитат. Пора бы и начинать собственно курсовую. Тем более, наступило затишье. Это я так думал! Без всякого стука в дверь ко мне вошло существо женского пола в возрасте восемнадцати лет. Оно и не думало чего-либо спрашивать. Что за дела, е***ь мой лысый череп, – прозвучало с порога. А вот и я! Встречайте! Это была Танька Новикова, работавшая на проверке готовой продукции. Она и сейчас была в униформе контролёров ОТК. Когда успела? – только и спросил я. Долго ли, дитю, умеючи? Я вчера с Численко познакомилась. Знаешь его? Откуда? Знаю, что за «Динамо» играет. Вроде, игрок хороший. Но, я за «Спартак» болею. Танька рассмеялась. Кто болеет за «Спартак», тот придурок и дурак. Это тебе тоже Численко сказал? Какой Численко? Он вообще говорить не мог. Столько водки выпить, с ума сойдёшь! Мы в «Памире» с девчонками сидели, а они всей компанией с тренировки шли. Почему на поле нашего стадиона, не скажу. А может врут. Ещё где были. Вон, про «Голубой Дунай» рассказывали. Знаешь забегаловку у трамвайного круга? Её так местные зовут. Дело дельное, водки стакан, сосиски с хлебом. Там весь «Шарик» после получки гужуется. Шашлык или люля, пиво, салаты разные. Осетринка на вертеле. А водяра с собой! Как говорится, на любителя. Не очень всё свежее и вкусное, но це-

ны не ресторанные, а буфетные. Вот так футболисты оттуда к нам в «Памир» добрались. Численко сразу глаз на меня положил. Сильно был накушенный. Еле на ногах стоял. А я, дура, с ним тоже пила. И пива после. Опомнилась на хате где-то. Все спят. Я подобралась, да, ноги мои, ноги. Хорошо деньги на такси были. Не домой же ехать, с матерью объясняться. Так я на завод и в здравпункт, к Тамарке. Там до смены своей кантовалась, приняла немного спиртянского. Да на старые дрожжи! Разнесло к хрущёвской такой матери! У тебя поесть чего нет? И выпить! Тань! Как работать будешь? Девочка ты теплая во всех отношениях, да сейчас божий день и самый приём. Остановись, прикинься шлангом и зависни. Назад не ходи. Я тебе справку дам, что у тебя кровотечение регулярное сильное. Ну, женские дела.

Нет! Лично посмотреть не хочу. Чего я там не видел? Поверь на слово, всё такое же, как у других.

Заведёшься только, а не место и не время! Тань! Слезь с колен! Войдёт кто. Руки, руки, говорю, убери. Что ж ты, тля, делаешь? Остынь! Давай, вставай и пошли. И мы пошли за дверь смотровой комнаты. Там я вручил девице кусок чёрного хлеба с горчицей и тонко порезанный сыро-копчёный окорок. А где сесть то? – спросила она. И это был вопрос вопросов. Давай, залезай в кресло. Только аккуратно. Ноги не клади на упоры, они не зафиксированы. Сиди так, да ешь. Послышался стук в дверь, и я вышел. Приём продолжался. Поток людей нарастал и нарастал. Улучив время, я заглянул

в смотровую. Танька мирно спала, свесив обе руки на стороны и положив всё же ноги на распоры кресла. Под халатиком сотрудницы ОТК у неё ничего не оказалось. Милые завитушки мягких кудрявых волос смотрелись весьма игриво на фоне незагорелой полоски кожи. Мода на загар без трусов в то время Москву ещё не посетила. Острые девичьи груди дополняли картину. Нет! Не зря Татьяна утверждала, что никогда не осветляет волосы причёски. В кресле лежала натуральная блондинка! Вздохнув, я закрыл дверь кабинета и подошёл к очередному болящему. Это был парень с глубоким порезом руки. Пришлось быстро наложить жгут и вызвать нашу местную «Скорую»! В кабинете медсанчасти №4 завода «Шарикоподшипник» ему легко окажут хирургическую, быструю и квалифицированную, медицинскую помощь. Когда я оформлял сопроводительные документы на больного, и уже ввёл ему обезболивающее и противостолбнячную сыворотку, прямо за моей спиной раздался сильный грохот. Сказав парню, что, очевидно, произошло самопроизвольное складывание гинекологического кресла из-за вибрации, я рванул туда. На полу сидела совершенно ошалевшая, абсолютно голая Танька. Халатик, запутавшись в поножах кресла, сиротливо свисал вниз. Быстро натянув на неё одежду, я вышел к прибывшему шофёру «Скорой». Тут же на столе нацарапав лист сопроводилки, я направил Таньку в хирургию. На плече девицы наливался сизым багрянцем здоровенный синяк, но настроение было бодрим. Позвони мне, – ти-

хо сказала страдальца, и «Скорая» увезла нарушительницу спокойствия!

Реалии

А вы ноктюрн сыграть могли бы? На нефритовой флейте?

Вздор, сказал муравей! Ересь какая-то! Я – самый сильный И не надо мне тут разговоры разговаривать. Знаю всё без тебя. И, вообще, ты кто есть? Ах, пьяный лягушк. А почему ты лягушк, а не лягушка? Потому самец! И это ты, брат, врёшь. Никаких пьяных лягушков не бывает. Вот жаба, она, действительно. И в природе. Ещё тритонов я видел и головастики. Тоже, мыши летучие бывают. Аксалотли! И белки-летяги! А лягушков не бывает. Вас мать-природа до существования не допускает. Лягушки, как и жабы, все пола бабьего. Мужиков среди вас нетути и нет. Оттого икру мечете, а не как все люди размножаетесь. Почкованием! Или простым делением. И проще и гигиеничнее! Да ты сам попробуй, не пожалеешь. А-то яйца разложите в виде икры, так что ж? Ежели вы при яйцах, так сразу и самцы? Чего-то отвлёкся я. Ты меня с панталыку сшибаешь. А! Так, я самый страшный и сильный, говорю. Когда пьяный иду, от меня трезвый слон убегает. Потому, настигну и растопчу, а могу и заглотать без всякого растоптания. Но, я справедлив! Сначала всегда и всех словами, али там криком предупреждаю, приведите мне на обед малых детушек, временно живы останетесь! Ещё я люблю ракеты баллистические сбивать.

Бывало выйду за село, гляну – девки гуляют. Тут и мне весело! А она летит в высоте болезная, роторами поскрипывающая. Как от шутки молодецкой удержишься? Подберёшь каменюку тяжёлую покруглее, да как дашь! Иногда, за вечер, штук по семь добывал. Я, вообще, охотник знатный. Вот, нарочно, скажи, какую ты лесную птицу предпочитаешь? Ну, для последующего поедания. Я вот завсегда располагаю тетёрку добыть. Знатная вещь. Особливо с брусникой. А тут мне мужик ейный встретился, по кликухе тетерев-косач, так я его в дрызг уложил. Потом по атомам животное собирали. Он, гада ядовитая, меня решил из-под угла дрючком достать, да, куда там! Я-то завсегда готовый! Так он у меня после удара специальным стерильным грамофоном, на атомы мелкие распался. В пыль! В пыль! Как у Жванецкого! А знаешь, сколько я могу с бабами проклаждаться? Мне тут недавно одну из Африки жаркой и жёлтой подогнали. Надсмеяться хотели. Ты прикинь, одели какую-то шкуру, как бегемотиху и говорят, с понтом, давай, мол, муравей, действуй. Я три ночи полностью соответствовал, на четвёртую дура эта толстомысяя в окно выкинулась. Я думаю, от неразделённой любви. Раньше я в другом городе жил. Новом Иорке. Ничего городок, обширный, машины ездят. И метро. Только я тебе так скажу, когда его голландцы покупали у индиосов за бусы и зеркала, то, ты, в натуре, не поверишь, назвали городишко свой Новым Амстердамом. А уж намного позже, когда Покахонтес оженилась с капитаном Джоном, а скунс

с бульдогом аглицким, под пустяшным предлогом, что оба они в нашей природе млекопитающие, переименование произошло. И там несколько веков спал Рип ван Винкль. Сам про это читал, а остальные, которые не спали, всё вокруг нарекли Манхеттенем. Так возник Багдад на Гудзоне и Подземке. И это всё-чистая правда. В книгах зря не напишут. В то время как в городе Балтимор чёрный ворон продолжал выкликать Неверморем. У порога моего. О чем тоже было в книгу автором Эдгаром записано. Наливай. «Бездельник, кто с нами не пьян!» Махнув кухоль горилки, размером с три квартиры, Ант, именно так звали нашего героя, продолжал. Эй, лягух! Не спи, замёрзнешь. Что у тебя с порохом и пороховницами? Как там у дальних возов, Писаренко всё бьётся? Или уже спать лёг? А Вовтузенко? Лады! Тогда я продолжу мною дозволенные речи! Знаешь ли ты, о пожиратель насекомых, что в стольном городе Москве жил был писатель и звали его Всеволодом Вишневским? Какая у него истинная фамилия была и была ли – не скажу. Всё покрыто жутким мраком. Он, писатель, ебстественно, не мрак, был оптимистом большим. У него даже трагедия, и та «Оптимистическая» была. Я это к чему? Там тип один, Вожачком его перцы местные кликали, всё здоровьем большого Вожака интересовался. Не болит ли у него что, как с изжогой дела? Как жених один у Гоголя, тот тоже интересовался, не спросила ли невеста будущая о его намерении жениться? И с тем же успехом. Как у человека может изжога быть, ежели его взя-

ли, да без путного суда расстреляли? Или, жениться как, если все в окна повыпрыгивают? Ты прикинь, чего люди пишут? Я тут почитал малость, так хоть сам в дурдом ложись, не дожидаясь оказии. Ты, пей, лягух! Чем больше мы общаемся, тем всё более я убеждаюсь, ты реален и выпивоха не из последних. Это ж надо, как у вас бабы винище хлещут! Прадед был у меня в Древней Греции, её ещё по чудному обзывают, Ахея, Ахинея. Но это не важно. Там один мужик был сильный. У меня погоняло Ант, а у него было Антей. Может и правда родственники. Кто знает. Давно дело было. Так вот. Гад один, его Гераклом звали, родича моего в воздух высоко поднял и утопил. Или ещё чего. Не скажу точно, за давностью лет его даже не посадили, однако, знаю, прикончил и фамилии не спросил. Потому только по имени и ориентируемся, фамилия утрачена! Во, чего гады творят с нашим братом. Встречу грека этого, живым не уйдёт. Покусаю! Слышь, лягух, а ты ничего! Тебя как звать-то? Земноводная амфибия? С амфибрахием не знаком? Вот и я тоже. Я ж говорил. Баба ты. Женского, бабечьего пола, значит. Какие у нас планы, насчёт слиться в экстазе и побезумствовать? По вышеозначенной Трагедии и речи матроса Алексея? И – не бойсь. Признаю тебя, хотя и условно, за мужика. У меня на примете есть две биксы бановые, но в прикиде ништяк будут. Сучонки-волчихи обдолбанные. Побредём? А кафтаны нам, инсектам, без надобности. Так что зря и цитируешь «Дай кафтан-ка! Поплетусь!» Нет, брат, друго-

му мы завету последуем: «Мы побредём, паломники, сердце притомив! Хрена ли нам Мнёвники? Едем в Тель-Авив»! Или в Иерушалаим! Пошли, брат, «дорогу осилит идущий», который под кайфом бредёт, не валенок, лапу сосущий, а тот кого водка ведёт! Запевай:

Вот бредут иудеи по пустыням Синая. От природы балдея благодатного края! Где тут реки, что с мёдом, с молоком где озёра? И ясней с каждым годом, не уйти от позора. Все мы здесь передохнем, иудеев порода. Ляжем все и не охнем. Против нас тут природа. Только дети молодые добредут с Моисеем. Вьются пейсы седые. Тяжело быть евреем!

Волчья правда!

Опер я, сказал серый волк. Санитар леса! И, отнюдь, не вегетарианец. А ты не кролик, а крыса. И зовут тебя замполит. Я вот всего лишь лейтенант, ты подполковник. Но если я в месяц десятку убийц, воров и хулиганов посажу, уже своё жалованье оправдаю. А как у тебя с объяснением? Ну, за что ты денежку получаешь? Рука не дрожит, когда каждый месяц за практически уворованные деньги расписываешься? У меня кабинет, у тебя кабинет. Я почти всё время на «земле», по-нашему, на территории, поскольку нас, волков, ноги кормят. Ты у себя сидишь и всё пишешь. Оперу, что ли пишешь? Но не нашему, а в КГБ? В общаге милицеской воды горячей нет. Милиционеры, когда не пьют, мудохаются друг с другом. Им для жизни и службы условия нужны. Тем кто в ночь работает, еда горячая. Досуг там, какой – никакой. В театр сходить, на концерт. А ты пишешь сидишь! Вон участковый наш, Женька, от неразделённой любви стреляться решил. Я у него и пистолет отнял, а ты где был? Твоя епархия – души человеческие – уловляй, сука, не бумажки пиши! Вон стенд у нас фронтовиков. Ты на нём. Молодой, задорный. Медаль, орден Славы. Значит не был трусом, воевал достойно. А после войны рядовой сержант милиции, учёба, следователь, замполит. Вполне достойный путь. Но я всё равно тебя не уважаю! Да! Был когда-то человек, теперь нет

его. Так. Облигация. Внутреннего займа развития народного хозяйства. Храним, но отдачи от них никакой! Власов – генерал был, в орденах и медалях по уши. Всех предал. Мы, волки, можем коё-кому и хвост прищемить и чего нито оттяпать. С волками других, воровских мастей, машемся – брызги кровавые летят. И от нас и от них! Если я кому в морду лица заберусь, ты крик поднимаешь, избит при задержании. Или сразу под статью дело ведёшь, избит опером задержанный. А когда меня, я участковый в то время был, на Новый год четверо солдат аннигилировать в общаге хотели? Помнишь? Ты сам ко мне пришёл, и ласково так, от имени ихнего замполита, попросил не сажать парней, пожалеть. Ты сам на фронте врагов жалел? А ведь это были мои и твои персональные враги. Четверо на одного. Под праздник великий. А я всё-равно одного задержал, потом чуть не с месяц кровью сморкался и харкал! Солдатиков пожалел! Не опознал, якобы! Ты потом литровую огрел с ихним мудрым политработником, а я от следователя выслушал: Купили тебя, сержант! Меня купить нельзя, вот на «слабо», как и любого русского, взять легко. Слабо пожалеть и забыть, – сказал ты, я и купился. Да, ладно, хер с ними. Слабаки эти гвардейцы генерального штаба оказались. Меня отбучкали, переступили и бежать думали, а я встал и продолжал махаться, затем за ними бежал и языка взял. Всё как у тебя на фронте. Только у тебя медаль, а у меня воспаление лёгких, синяков и кровоподтёков куча мала. Я ведь под Новый год в одной рубаш-

ке с погонами за ними бежал! Ладно, кролик! Нет у меня к тебе ненависти. Как говорили мудрые враги твои «Еден дас зайне», «Каждому своё». Прячь в портфель коньяк и пиво, я в очереди следующий. С Новым годом и Рождеством светлым Христовым. Не верю я, что ты, в деревне рождённый, совсем про бога забыл. Бывай, шкура! Не поминай лихом!

Бывает...

Хорошо евреем быть с головою лысою.

В кипе целый день ходить. Даже, когда писаю!

Он был лыс, круглоголов и короток ростом. Плотненький, я бы сказал, упитанный мужичок. Таких ещё называют «икрянными». Довольство жизнью и самодовольство просто распирало этого человека. Он знал всё и комментировал тоже всё! Гигант мысли, отец еврейской демократии. Только что не мужественный старик! В течение недели телеэкран доставлял его в наши комнаты не менее двух раз в сутки. Иногда и поболее! Создавалось такое ощущение, именно этот потомок известных всему миру братьев Кальсонеров был наиболее востребован американской аудиторией. Соответственно, не всей, а, так называемой, русскоязычной её частью. Той самой, которая как-то раз, задавая вопросы этому пузану, в лице одной из своих престарелых представительниц, на голубом глазу спросила о том, почему США позволяют Путину существовать, не смотря на все его отрицательные стороны? Телестанция, на которой работал в нескольких программах означенный персонаж, давалась в обязательную нагрузку к центральным российским каналам. И что ты будешь делать? Только и оставалось, как героине фильма «Свинарка и пастух», плакать, да идти. По-

степенно я привык к его размеренному, хорошо поставленному баритону и пришёл к выводу. Очень нужный человек. В нём для меня было сосредоточено всё, что вызывает только отрицательную реакцию. Авторы же должны вдохновляться! Типа: И похабничал я и скандалил, для того что бы ярче гореть!» Фирменной маркой всей данной телестудии были три лица, ведущие главные ежевечерние новости. Три простые легко произносимые фамилии. Русская. Украинская. Еврейская. Затем слова за экраном, прямо западавшие в мою далеко не еврейскую душу. Самые объективные сегодняшние новости в мире: США, Израиль и другие страны: Американский взгляд на события дня. Затем следовало освещение событий у нас, в США, Израиле, перерыв, новости Израиля. Потом новости от еврейской общины в Нью-Йорке. И все новости! Погода. Почему-то, не в Израиле! А жаль! Страшно интересно узнать, как там разные сефарды, ашке-нази и сабры в Иудее, Самарии и Израиле проклаждаются! Перемежая стрельбу по арабским детям с купанием в арабском Мёртвом море. В лечебно-оздоровительных целях! Однако, вернёмся к нашему герою. Из косвенных источников (его оговорки в эфире) мне стало известно, типчик плотный прибыл в США году в 1989. Имеет детей 12—13 лет. Остались связи в России. Вообще, на месте госпожи Наполитано, я бы заинтересовался сомнительным прошлым данного господина. По-времени, подался он в беженцы где-то начиная с года 1985. Самый разгар рекрутинга КГБ своих шпи-

онов на длительное оседание. А тут он, такой правоверный, такой преданный, готов бежать впереди паровоза и лизать всё, что перед ним движется. Судя по всему, в Союзе сей перец прославлял КПСС, здесь славит демократию, а завтра всё, за что заплатят. Строчение языка такое. Вроде, как у муравьеда, который, как известно, без всякого мыла в любой муравейник проникает и вылизывает. Много лет назад придумал наш герой, мозгой своей поработав, игру интересную телевизионную. Мол, у меня есть сеть (обратите внимание-сеть!) неких бегунов-корреспондентов во многих странах бывшего Союза. Это в первой части утренней программы, а вот во второй речь идёт только про государство Израиль. Ну, тут всё ясно, кто платит, тот и заказывает музыку! И девушку танцует. Икряную! А вот по первой части мы слышим голос пострадавших под гнётом России: Тamar Паландамандавашивили, Александр Грант, хохол, фамилию я его забыл и смотреть не стану. Слишком силён рвотный эффект от взглядов засранца. Опять Россия и Митрич. Все русские, у всех душа о своей стране и России болит. Как у Бабеля сказано: Русский! Русский! Хучь сейчас в равины подавай! Это я к псевдоназванию данного канала «Русская телевизионная сеть в Америке!» А, да! Там же одна есть по имени Тamar. Её к реформистам израильской синагоги. Там такие женщины-равины есть! Митрич поливает жидким помётом всё, что ни делает российская власть, стоит на стороне отъявленных врагов общества. Нет такой вещи в современ-

ной России, о которой он хоть немного сказал что-нибудь хорошее. Все негодяи, все в гавне по уши, только я и мне подобные сияющим Монбланом возвышаемся над идущим ко дну под грузом Путинской гебни и репрессий кораблём российского жуткого общества! Тamar рассказывает ужасные вещи о тяготах и лишениях милого президента Саакашвили, планах по переустройству Грузии, сначала в Израиль, потом во вторую Америку, со слезами на глазах сообщает о происках России и её страшного гнуснопрославленного ставленника Бедзины Иванишвили, стремящихся сокрушить и опорочить верных, типа еврея Якобашвили, имевших в кабинете министров в своём рабочем столе два, или три, а то и четыре паспорта. Например, Грузии, Израиля, Литвы и Эстонии. Вариант – Грузия, США, Галапагосские острова! В среду мистер Грант рассказывает нам о происках суки Абрамовича, лишившего невинности в глазах высокого суда сторонника и провайдера истинной демократии Березовского Бориса Абрамовича. Собственной персоной! И винит во всех грехах Россию, не позволяющую такому светочу жить и руководить далее. Не в далёком, богатом Лондоне, конечно, а лейтмотив всего, «Ничего у вас не получится»! Как была Россия в затрапезе, так и будет. А заграница нам поможет. Как Березовский сразу уже помог верному своему, но предавшему рабу, некоему Литвиненко. Правда, убитому по прямому приказу Путина, но, вопреки, заступничеству ярого либерала, юриста Медведева. Предлагавшего не столь

обезображивающий полоний, а нечто совсем иное, являющееся разработкой одной из нанотехнологий из пресловутого Сколкова! Образно говоря: Ну, вы ж понимаете? В четверг хохол старательно доказывает, Янукович враг всего живого, украинского и движущегося. Всё им, гадом и волчарой донецким, предпринимаемое – выполнение прямых указаний клятых москалей. Гвалт и чума на оба эти дома! В пятницу отдохнувший за это время и прикопивший продукта отходов жизнедеятельности российских евреев, либералов и не системной оппозиции Микрич обличает, вещает и предрекает! Плавно переходя к гносеологии и умозрительным выводам, а так же и желаемым ему исходам событий. Все пять дней недели лысик со своими куклами – бегунами – корреспондентами страдает, сочувствует и обобщает. Неутомимый потомок угнетённого местечкового еврейства. Поневоле приходишь к выводу, если таких как он на территории государства, хоть бы и российского, были тысячи, держать их среди людей обычных было никак нельзя. В России, как известно, били не по паспорту, по морде. А ежели ты будешь вещать такое, что никак не укладывается в рамки обычного человеческого разума, противно морали общества, его обычаям, религии и установлениям, тебе действительно будет лучше жить в черте осёдлости, среди себе подобных. Так легче будет тебя охранить, спасти и оберечь от гнева праведного. Так что не зря «икряной» пузан засел на местном голосе, рупоре истинных носителей русской культуры, религии и генофон-

да, русскоговорящих обывателей Америки, среди своих, по-
жизни, единомышленников. Да, кстати! Как же он обидел-
ся, когда по телефону, из Флориды, в ответ на его мерзкие
инсинуации какой-то русич назвал его продажной еврейской
мордой. Просто писал кипятком и на голубом глазу утвер-
ждал, в его лице оскорбили весь американский народ. Ну,
нет у меня ответа на вопрос: Почему те, кто в России говорил
о своём национальном угнетении и запрещении отправлять
религиозный культ, в Америке мгновенно стали русскими,
объявили себя, со слов нашего героя, частью народа амери-
канского! Оно бы и не важно! Пушкин по этому поводу луч-
ше меня сказал. Я имею в виду цитату насчёт жида и тата-
рина, которыми быть не возбраняется. А вот если ты Видок
Фиглярин, то о чистоте помыслов и душе русского народа
не беспокойся. Без тебя, сука, разберутся! Копи сребренни-
ки, тренируй язык в лизании и «мели Емеля, твоя неделя!»

Никто не любит крокодила

Господа! Кто здесь подаёт? И, я подчёркиваю, не поддаёт, а, именно, подаёт. Половина обслуги в умот пьяная, остальные просто спать легли. И это в самом начале рождественской ночи! Когда добрые люди сидят за столами и празднуют сочельник. Оправдания не принимаются. Я занимаю вот тот стол и жду. 5 долгих минут, господа. Огонь открываю без предупреждения. Сначала из всех орудий правого борта, затем вас приветствуют канониры левого. Зажечь топовые огни, поднять флаг. Сигнал семафором: Ясно вижу. Написал я это и задумался. Чего-то тут лишнее. Либо то, трактирное с негодной прислугой, либо канониры, флаги и орудия. А середины нет. Так пусть всё будет по другому. «По небу полночи ангел летел». Чувствовало себя существо превосходно. Вы можете придраться к слову «существо», но ангелы, как лица пола не имеющие, либо имеющие признаки обоих полов, должны же как-то обозначаться. А-то какая же это политическая корректность будет? Вот! Сбили и тут меня. Не стану про ангела писать, возьму и напишу про водолаза. Раз нырнул наш водолаз, норовя уйти под воду, но суровую природу превозмочь не смог на раз. Водолаз – он как Муму. Их без груза не утопишь. Сил не хватит, сколь ни скопишь. Хоть и топишь по уму. Ежли ж дело сделать с толком, груз вхреначить втихомолку, буду оба два на дне. Время стих

прикончить мне! Нравится? Вот таких писак слишком мало перевешал Столыпин! Помните? «Господа, если к правде святой мир дорогу найти не сумеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой! Авторы Беранже и Курочкин. Привыкли мы со времён Чаадаева и Пушкина видеть основные беды России в дураках и дорогах, это не совсем так, господа! Хотя, на первый взгляд, от наличия этих отличительных черт зависит многое, но, далеко не всё. Истина лежит в простом расширении данного понятия. Огромная беда российского общества всегда состояла в том, что около двадцати процентов так называемого образованного слоя, умевшие немного читать и даже что-то в жизни своей и правда прочитавшие, почему-то думали о том, что у них есть индульгенция, то-есть, выкупленное право, на изложение своих мыслей публично. Остальные 80% процентов образованных людей работали и писали по основной профессии. Двигали вперёд науку и технику. Короче, «строили ракеты и перекрывали Енисей». Не отставая в области балета! В чём и я вижу участие нормально образованных людей в развитии культуры страны. Об огромном разрыве в обществе, связанном с образованием, мне стало известно впервые, когда я пришёл служить на Северный флот в 1963 году и встретил на корабле парней из Украины и Азии, вообще не умеющих читать и писать! Как моя совсем старенькая бабушка, родившаяся по словам классиков «до исторического материализма.» А тут сорок шесть лет Советской власти, и такой результат.

Потом была кратковременная работа в пионерском лагере в должности воспитателя. Это уже год 1977. Ребята с деревоотделочных комбинатов, бетонных заводов и строек Москвы. Господа! Это были отличные парни, но насколько же они были дикими с точки зрения обыкновенной культуры и образования. А это уже шестидесятилетие Советской власти! Соединение недоучившейся, так называемой, интеллигенции, которая, в отличие от образованных собратий имеет диплом, но не имеет знаний, с такими вот низами любого постсоветского общества, приводит к массовым выплескам псевдоклассовой ненависти. Особенно, когда часть интеллигенции успешной старательно льёт керосин на пожаре! Тогда объектом преступного посягательства для одних становится власть, добыть которую обычным путём недоумки и недоучки не могут. В силу простого отсутствия каких-либо талантов. И для других, не имеющих в жизни нормального лифта для поднятия «наверх», поскольку отсутствует не только высшее, но и базовое образование. В моё время из нашего московского двора дома 2 по проезду Серова, из тех ребят, кто играл во дворе, только я и Валька Щенников получили дипломы сначала о среднем специальном, а потом и высшем образовании. А гуляло во дворе пацанов разного возраста человек 120! Высшее образование получили практически все дети, которых родители, люди обеспеченные, во двор не пускали и с которыми мы не общались, хотя и видели их в школе! Это была замкнутая каста. Они и роднились друг

с другом. Кандидаты в МИМО, Тореза, Финансов, Советской торговли и Консерваторию! А пацаны нашего двора пошли по отнюдь не пионерским лагерям, московским заводам и фабрикам. Через ремеслухи и ПТУ! Избранных было человек восемь, остальные – низы! И вот образованщина разного толка начинает раскачивать общество, выводя под разными предложениями народ на улицы городов и целых регионов. Забывая об одной очень простой вещи. Если вы ещё не забыли Шолохова, то наверняка помните такого героя для одних и вражину для других читателей. Имя его Подтёлков. Когда делегация большевиков, руководимая этим человеком, прибыла на встречу с руководством казаков, один из присутствующих, герой войны с немцами, награждённый четырьмя знаками отличия Ордена Святого Гергия Победоносца, сказал в своём слове о том, что ты, Подтёлков, плохой казак и необразованный человек, обманом сумевший увлечь за собой часть казачества, которая вскоре опомнится, да тебя же и повесит. Кстати! Так и произошло. Повесили при большом стечении народа, зрелище как праздник! Было бы очень неплохо, если бы русские писатели и поэты, актёры и актрисы, хоть иногда вспоминали бы про эту историю. Я вам говорю господа Шац, Ефремов, Быков, Гельман, Чхарташвили, Сванидзе, Лазарева, Гайдар, Дягилева, Липман и прочие Пусси! Горючего материала в России на три мировых пожара. Уберите вы свои спички. Так полыхнёт, вам мало не покажется. Вспомните, кто пошёл по лагерям и на расстрелы

среди первых и, в силу своей полной неприсобленности к реальному миру и простому выживанию, первыми повымирал в тюрьмах и лагерях? Да здравствует спокойная и мирная философия кота Леопольда. «Ребята! Давайте жить дружно!»! Да! Господа! Знаете ли вы что у нас, в Соединённых Штатах Америки, слова пусси – кошечка, и бивер – бобр означают нечто одинаковое. Даром отдаю новый бренд. Бивер мьютини! Владейте, господа. Носите на здоровье!

Зайцы атакуют!

Идёт по лесу заяц, думает. Мысли всё серьёзные и трагические. Например, о роли зайцев в круговороте воды в природе и их влиянии на солнечный ветер. А главная мысль, чего бы такое, общественно значимое сделать? В то же время, полезное. Видит, медведь стоит в задумчивости глубокой. Совсем в мысли тяжёлые ушёл. Не иначе, решает чего. И, в мировом масштабе! Подошёл зайка к мыслителю, стукнул легонько по плечу, что бы внимание на себя обратить, да и говорит: Скажи бебе! Большой зверь, не ожидая подвоха и желая отвязаться поскорее, так и сказал: Бебе, мол! Серый в ответ: А вот хер тебе. И дальше пошёл насвистывая. Тут осень золотая пришла. Мишка наш берлогу обустроил, как и положено, задницу глиняной пробкой забил, что бы посторонние звуки спать не мешали, подушки взбил, перинку оправил и только лечь хотел, в дверь стук. Медведь выглянул, опять заяц. Стоит, руки в карманах держит и насвистывает. Приоткрыл медведь уже заклееное на зиму бумагой окошко, спрашивает: Зачем пожаловал? Никаких бебе я тебе говорить не буду, а пришелец ровно так отвечает: И не надо! Тебя не будет всю зиму, а я забыть новый прикол могу. Заинтересовался бывалый старинушка. Какой такой новый прикол? Я все приколы знаю! А зайка и говорит: Мишаня, скажи А. Сказал тот, а в ответ услышал: Хер на! И можешь

с ним до весны не расставаться! После чего, радостный весь такой, удалился. Уже не спится медведю, ждёт от зайца очередной подянки. И точно! К вечеру ближе стук в окно. Открыл косолапый, а там заяц, собственной персоной. Не поверишь Миша, – говорит. Вот только лису встретил, заспорили про тебя. Она утверждает, что однажды зимовала у тебя в берлоге, и у тебя дома от печки горячо. Так что, горячо? Медведь и повёлся. Да нет, – говорит, – Не горячо. А если будет горячо... Тут его заяц и приколот. Коли, говорит, тебе будет горячо, то смело перекинь хер через плечо. Значительно полегчает. Рассмеялся и убежал. Восстал тут медведь, отложил сон, расстался с его аксессуарами в виде постельных принадлежностей и пробки, да смастерил за ночь перед дверью яму-ловушку. Накрыл её тщательно, следы затёр, сам в кровать лёг для близира. Утром стук в окно и заячий голос: Тут, тук, тук! Кто в теремочке живёт и официально всем сообщает, что целую зиму сосёт? Могу вам предложить широкое поле деятельности в этом направлении ваших талантов! Рассмеялся, да уйти хотел. Но слышит, медведь с кровати говорит: Слышь, косой! Я пред тем как на зиму спать залечь, практически, всем и всё прощаю. Сам понимаешь. Зима, охотники. Можно и до весны не дожить. Так что я заранее. Там вон, с внешней стороны, на порожке я для тебя один новый приколот записал. Возьми, и давай до весны расстанемся. Заяц очень обрадовался. Ловко он медведя почти до полусмерти внаглую затрахал, все мозги ему наизнанку

вывернул! Подбежал к порожку, листок взял и в яму провалился. А медведь дверь открыл и говорит: Читай, мелочёвка, написанное. Перепугался заяц до одури. Одно дело, бесплатно борзеть, другое, коли расплачиваться самому придётся. Типа: Боксёру любой обидные слова сказать может. Только потом устанет вспоминать, что именно он сказал! Так что читает заяц: Научился благовать, научись синдиреича сосать. Тренируйся! И ушёл в избушку, заяц потом ещё долго стоял и кричал: Миша! Гадом буду, в последний раз, сейчас то-есть, я к тебе извиняться пришёл! Прости подлеца!

АНГЕЛ

По небу полуночи ангел летел. Путь был не близкий. Два широких крыла медленно и тяжело рассекали пространство. Искрящаяся ледяная мгла вокруг, морозное чёрное небо со звездами вверху и покрытая снегом, почти лишённая каких-либо ориентиров земля внизу. Настроение не было плохим, оно было очень плохим. Кому интересно получать накануне светлого Христова праздника втык от дежурного архангела. Форма одежды, мол, не соответствует установлениям. Маховые перья не набриолинены, туника лишена знаков отличия и наград, а путевые сандалии не только не надраены, так ещё и плохо закреплены. Архангел так разорался, хоть святых выноси. В смысле, мощи! От позора и поношения! И пообещал перевести из ангельского чина в разряд угодников, или даже святых! Что б ему ни дна, ни покрывки! И архангел какой-то жиденький. Не то, что бы сам Гавриил, или Михаил. Так! Мелочь пузатая. По выслуге лет в такие чины вышел. Это ж надо! Нимб пятизвёздочный с огоньками и сияниями! Кому? А тут раз в сто лет сдуру охранишь кого от греха, вот и все заслуги. Недавно, в пограничном районе чёрта встретил знакомого. Обмыли встречу как у приличных людей водится, потом поговорили за жизнь. Тоже у них там не сахар. Чуть чего, и из внешней агентуры в кочегары котловых сковородок переводят, паши сутки через трое

в котельной, жарь грешников, а имя им – легион. Идут потоком нескончаемым. Замучаешься кувыркаться! Правильно говорят, там хорошо, где нас нет. Хоть чёрту, хоть ангелу! С праведниками тоже хлопот полон рот. Недавно один спрашивает, а где тут у вас кафе компьютерное? Уписаться можно! Я ему так и ответил. Какие тебе кафе? Умер, так умер, би квайет. Хочешь самоучитель игры на арфе дам, псалмов книгу, ветвь пальмовую и хитон белоснежный. А более ничего в райском ассортименте нету. Обиделся! Хотел меня действием и словами обидеть. Да только как это возможно? Я ж ангел, а ты кто? Вот правильно один супостат сказал: Человек прах еси, кал еси, так что не соси и в руки не бери! Мудрец. Нектарий его самоназвание было. Сейчас в Аду свои гадские отношения с православной религией разруливает. На сковородке! Помяни господи царя Давида и всю еврейскую кротость его! Это когда он ослиной челюстью нечестивых филистимлян громил, или Голиафа угандосил! До смерти жуткой! О, гляди, гляди, вроде приближаюсь. Надо на навигатор взглянуть. Один мудила с собой пронёс не пойму каким образом. Зачем ему вещь эта? Куда он навигировать собрался? Вот ещё недавно люди поболее понимали. У Багрицкого в «Думе про Опанаса» так и сказано: Опанас! Твоя дорога, не дальше порога. Не знаю, имел ли в виду автор данный смертный порог, но сказано точно. Тем более, что «этой самую рукою Когана убило». Какая тяжёлая потеря для человечества. Но, это я отвлёкся. А после навигатора конфис-

кации, прибывшему было вручено место на пальме. В торжественной форме. Он теперь туда и без всякого прибора постороннего попадает. А, сдуру ежели забудет, хранители подскажут! В крепкой, но аккуратной форме! Ибо сказал Господь: Богу богово, Кесарю кесарево! Каждой тваре по паре, спасённому Рай и соблюдение условий пребывания в Чертогах. А-то ежели всякое фуфло начнёт со своими законами и навигаторами протыриваться, никакого порядка не станет, а будет принятие решения всем еврейским кагалом – полная демократия! Вещь в авторитарных и теократических наших режимах невиданная, неслыханная и на фиг никому не нужная! Точно, подлетаю! Вон и огни посадочные! Пуск! Вот и нет никакой Шамбалы!

У нас в средней полосе

Однажды, отец Онуфрий обходил окрестности Онежского озера. Вы можете не любить географию, отрицательно относиться к старорусским именам, но сама сущность произошедших событий трогает сердце любого истинно русского человека. Наш священнослужитель был крепким мужичком неопределённых лет с устоявшимися привычкам. Сказать, что предпочитал он посты, а не праздничные застолья было бы преступлением против истины. Нрава строгого, но справедливого, отец Онуфрий не допускал отклонений. Как и многие русские люди, была тут видна максималистская жилка, столь присущая нашей северной стороне. Да, что там сомневаться? Вы, небось, и сами слышали исконно Онежское выражение «Или парикмахер пополам, или звезда вдребезги». Это – вариант для детей! Вот идёт себе наш батюшка, идёт, временами цветочки нюхает, и вдруг... Из кустов обзревается оголённая особа, оказавшаяся Ольгой! Встреченную мерзкую и дерзкую феминистку в обители отлично знали. Не раз, и не два фурия в голом виде врывалась на сакральные богослужения, разрушала путём нанесения зазорных надписей церковные иконы и стены, бензопилой спиливала могильные и памятные кресты! Отец Онуфрий ознаменовал открытие оголённой особи – Ольги – открещиванием. Словами не передать весь драматизм момента. Один в поле

не воин, – подумал батюшка. Таковую и втроём не ублаготворишь! Быка ей с выставки достижений народного хозяйства. Племенного, который с год коров не видел. Ольга ожидала отдалённо. Отец Онуфрий охренел. Ольга! Отвали! Озолочу, – шептали чуть слышно его на глазах холодеющие губы. События развивались стремительно. Выбегая из кустов и валия отца Онуфрия наземь, Ольга одновременно старалась своими свисающими грудями поцарапать лицо батюшки, в то же время демонстрируя спину с надписью красной краской «Гоу ин пусси. Фор райят!» Отец Онуфрий откинул остатки разума, а очнувшись, оказался отроком. Ольга откусила отцу Онуфрию очень ответственный отросток! Жуть! А вот интересно спросить, Березовский за это ответит? Разоблачение в следующем фильме «Анатомия в процессе.» Копия направляется в Генеральную Прокуратуру России. Просим принять участие в расследовании данного, отнюдь, не заурядного происшествия.

Диалектика

Апель-плац в Аду

А ну пошли, пошли рожи! Строимся по баракам. Капо! Будете отставать сегодня, завтра вас будут гнать первыми. Через желудочно-кишечный тракт наших церберов. Бегом! Это кто там падать вздумал? Ума ты лишился что ли? У тебя же ни кожи, ни рожи. Каким образом ты, конёк бздиловатый, падаешь? Подравняли шеренги. Подравняли. Второй барак. У вас что строй, или кривая Гаусса? Математики, вашу мать! Ну, прямо Вендермееры! Так, оркестр. Флейту и барабан слышу. А валторна где? В НКВДе? Ах, сломалась. Музыкант губы отморозил. Какие губы, долбоёбы? Нет у вас никаких таких губей. По регламенту содержания вас в Аду, я тут лично решаю, какие части организма вы при себе иметь можете. Во фуффло! Третий барак! Почему качаетесь как кудрявые рябины? А не как тевтонские дубы или кедры ливанские? Капо! Все восемь! Три раза спиной вперёд вокруг апель плаца. Бегом. Марш. Начальнику конвоя разрешаю спустить трёх церберов для активной помощи отстающим. Начали. Хорошо. Хорошо. Так, одного псы съели. Начальник караула! После конца развода поручите какому-нибудь доходяге собрать детали грешника, пропущенные

через животное, и в лабораторию. На предмет восстановления. Ему ещё маяться и маяться, я уж не говорю о мучиться! Так. Пробежались, отдохнули, теперь строй выравнили. Равняйся! Смирно! Слушай мою команду. Запевай. Шапки с голов долой! «Нас утро встречает рассветом, нас солнцем встречает река. Кудрявая, что ж ты не рада? Весёлому пенью гудка!» Какие всё же молодцы. Четвёртый барак. Рожи зелёные! Не понял! Это кто там поёт «Кудрявую, в целом бы, надо на шлык насадить до пупка»? Так! Вашему бараку сегодня смена постельного белья. У нас тут новая партия поступила клиентов из Африки. Эболы зангезунгзской эпидемия. С ними и поменяетесь. И униформой заодно! И системой мучений. Седьмой барак! Девочки! После развода – специальная процедура! Конкурс! Кто первый и дольше? В смысле другого быстро оприходует и на раскалённой вращающейся сковороде дольше просидит! Для вашего персонального творческого развития. Так, второй барак. Восстали вы что ли? Хоть картину пиши «Восставшие из Ада!» Пока вы тут на Апель-плаце хорошо проводили время, мистер Шмон посетил вас по месту проживания. Уроды! Зачем вам заточки, коли вы тела не имеете? И второе. Вот тут у меня в руках трактат философский. Одно название чего стоит. «О невозможности причинения физических мучений бесплотной душе, как и телу бездушному страданий нравственных!» На магистерскую диссертацию тянет. А то и на доктора. «Гонорис кауза!» Мудаки! Таких здесь уже побывало неисчислимое

количество. Имя вам – легион, а обсосы вы со всех сторон! Староста барака! Два шага вперёд! Я не спрашиваю, кто писал, вы его сегодня сами мочить будете. Не до смерти, до радостного просветлённого состояния, которые живые называют «Душа с телом расстаётся!» Я хочу напомнить особо умным. Бывают просто боли, боли острые фантомные, и фантомные длительные. Вот у вас уже давно зубов нет, а ну, как все тридцать два заболят? Сильно! Фантомно! В любом месте! Для вашего барака сегодня будет работать наш генератор радости. Под тихую музыку Шнитке и Стравинского с постепенным переходом в фортиссимо браво, вы будете вспоминать самые позорные моменты вашей жизни, которые будут транслироваться на стереоэкран для всеобщего обозрения! Новейшая аппаратура! На вас её и опробуем. Нет! Вы не меня! Вы писателя своего благодарите! Всё, что вы сейчас произносите в мой адрес, разрешите отнести к его творчеству. Нам в Аду такие люди нужны. Ибо сказано умником: Пишите, и отпишитесь, мыслите, и познаете. И дастся вам, даже, сильно! Очень! Оркестр! Приготовится, начали! Прусский церемониальный марш. Вся зона расходится по чужим баракам гусиным шагом, радостно пританцовывая и с улыбками там, где у вас были ранее лица! А теперь «Кума» ко мне! Слышь, Мюллер! Там у тебя в БУРе русские сидят, кто отказался на работу выходить. Устроишь сегодня соревнование в нашем бассейне. Сто метров в «царской водке». Я слышал, русские к водке особенно хорошо относятся,

пускай поплавают. И ещё! Подбери команду для открытия лаг. пункта на Меркурии. Там, говорят, должна быть наша «командировка». Сам пойдёшь начальником в новую зону с явным повышением. «Хозяином» будешь! С тебя причитается! Как говорят наши клиенты, «Базара нет.» Все медленно расходятся. По трансляции звучит музыка и слова песни: Сегодня мы с тобой кайфуем. В аду мы уж давно кукуем, но нам нескучно и на раз. Толкуем, о мере мук в миру воркуем. И потихонькеу маракуем, как нам слинять себе зараз. От чутких глаз! Пасущих нас!

Утро в Раю

Голос по трансляции: Господа, находящиеся на территории нашей секции Парадиза! Просьба покинуть облака, пальмы, кущи, прочие райские места и построиться на Прямоугольнике парадов. Форма одежды – повседневная! Белые, лимонные или голубые хитоны. По корпусам проживания! Нимбы, кимвалы, литавры, ноты и арфы обязательны. Старшие по выслуге спасённые должны иметь на краю хитона ленточную оторочку красного цвета, в количестве от одной до семи. По степени святости и срока пребывания! Ангелам – спасителям и ангелам – хранителям приступить к выполнению возложенных на них обязанностей. Время пошло! Музыка. ««Нас утро встречает рассветом, нас солнцем встречает река...» Господа! Рад сообщить вам всем благую весть – вы в Раю! Осуществилась мечта. Безгрешные, духовно просветлённые и очищенные, бесполое, полное всего, как у нас говорится, хорошего, пребываете вы здесь, отдыхая от земных дел, мыслей и помыслов. Все тут равны, непорочны и удовлетворены. Вы уже ощутили, как здорово, встав с утра пораньше и оседлав пальму или, там, кедр ливанский, исполнить на арфе, лютне и кимвалах нечто музыкальное одухотворённое. Покой, чистота, мироощущение и прекраснотворение селятся в ваших истерзанных предыдущими заслугами душах! Как же вы правы! А хоровое и инди-

видуальное пение псалмов? Есть! Есть в этом нечто, отделяющее нас, обитателей Горней выси, от смрадных антиподов, орудующих среди иных душ, в иных пространствах и иными средствами! На трибуне перед строем спасённых душ появляется один из дежурных Архангелов. Смирно! – звучит по трансляции. Квадраты, одетые в разноцветные хитоны, замирают. Ангелы-хранители и спасители берут на караул стрелы и пучки молний. Следует команда: Парадное знамя вынести! Под оглушительную музыку труб к трибуне выносятся радужное знамя. Хоругвеносцы с обнажёнными световыми мечами застывают по стойке смирно! Из рядов основного контингента слышны громовые крики «Осаннаа». Следует команда: Вольно. Слушай приказ по распорядку дня на сегодня. Первый корпус – работа в райских чашах и куцах. Второй – участие в математическом конкурсе. Задача: разместить наибольшее количество бесов на острие иглы! Победитель получает ценный подарок, уши того самого осла, на котором спаситель никогда не въезжал в Иерушалаим! Третий корпус – Музыкальный день. Под руководством регентов выразучите ещё по восемь псалмов из «Книги Давидовой», помня тот кто надо, всю кротость его! Если обнаружит! Все мероприятия рассчитаны с 7 до 21 часа. Затем личное время, оправка, сон. Или тренировки в спецдисциплинах по явному желанию. Ангелов-хранителей, естественно. Для тех, кто так и норовит покинуть нашу смиренную юдоль и отправится в Ад. Для чего и совершать пытается разные непо-

требства. Например! Летать между райскими облаками, издавая громкие нескромные звуки и пуская цветные шутихи. Да ещё и стишками на облаке сблуднуть! Это как мне прикажете понимать: Коли смерти уже нет, можно поиметь весь свет. Крой хоть собственный скелет. Ты в раю. Грехов здесь нет! Да! Вы безгрешны! Но как можно было забыть старую народную райскую поговорку? Типа: Всё течёт, всё меняется! Спасён. На райской ты звезде, а завтра где? В НКВДе! Или в созвучном органе! Я не советую забывать. Уже было так в истории множества разных государств. Свергали режимы, создавали лично для себя и родных близкую к райской жизнь, а тут «Бац». И в соответствующих органах. Перевариваешься. На соответствующий продукт! Хранители! После отбоя вызвать шутников на индивидуальную беседу, сопряжённую с нашей народной игрой. Поскольку, это уже залёт! Да! Вы может про игру ничего не знаете? Скромное тихое название – Пятый угол! Четверо хранителей по углам комнаты, а вы, стараясь, что бы вас молниями не полыхали, ищете пятый угол! Говорят, помогает! Парад! Смирно! Маэстро! Нам что-нибудь божественное. Типа: Почему я не сокол? Почему не летаю! Ангелы! Осуществляйте развод. После расхода на работы и занятия попрошу старших по корпусам и ответственного за нравственность ко мне. Форма одежды повседневная. Начали! Как хорош этот укрский праязык! Просто праздник какой-то! Надо будет распорядиться, что бы Хоме Бруту и Панночке табачного довольствия прибавили. Услов-

НО!

Из жизни памятников!

Это странное происшествие ознаменовало собой самое начало той жуткой ночи, когда во мраке времён и путанице календарей на планете Земля, в центральной её части, на Красной площади страны, именуемой в наше время, впрочем, как и встарь – Россия, наступило 12 число двенадцатого месяца 12 года. Да ещё и второго тысячелетия от Рождества Христова. Как только куранты пробили, по мудрым и вещим словам товарища Огурцова, сколько им положено, опытный взгляд, например, такого видного теоретика, как Хома Брут, мог бы заметить сразу за Мавзолеем, на Красной площади, прямо у кремлёвской стены движение бледных расплывчатых фигур, помавающих в воздухе. Постепенно, они приобрели всё более и более осязаемый вид, наливались красками и жизнью. Да, да! Я не боюсь этого слова! Именно жизнью. Если вы помните, философ Энгельс назвал жизнь формой существования белковых тел. Айзек Азимов уже признавал жизнью, хоть и искусственной, некие кремниевые организмы. Есть у нас выражение – потусторонняя жизнь. Люди часто его употребляют, а кто сказал, что мы не должны верить людям? Их чистому опыту, экспериментам, наблюдательности и фантазии? И так, некая группа условно фантастических существ, для удобства и точности назовем их призраки, материализовалась и заняла несколько старых могил

похороненных здесь вождей страны Советов! Сначала присели просто на снег, но это было не по чину и не эстетично. Пришлось скинуть с себя серые солдатские шинели, старенькие пальто, мундиры крупных военачальников и создать подобие бивуака. Из числа присутствующих воевать приходилось всем, бурная жизнь страны, появившейся на свет в году семнадцатом, не оставляла времени на раздумья и возможности сделать ход конём – прыгнуть от боёв и лишений в сторону. Таких, если не добивали враги, доставали бывшие товарищи. Иногда и в изошрённой форме. Например, самоубийством в собственную спину из двух наганов сразу, а то и убийством при помощи ледоруба! Экзотика поощрялась, враги, трусы и предатели – нет! О, времена, о, нравы! Посередине собрания был разожжён костерок, пусть тоже призрачный, но настолько по-походному и по-боевому уютный, что начали оттаивать и проситься наружу старые слова, казалось бы давно забытые, за давностью времён вовсе не нужные. Вроде: Чайку бы сейчас горячего с воблой! Махорочки! Вот, тоже, севрюжка с хреном, да селёdochка астраханская сказочны были. Народ всё прибывал. Постепенно образовалось два слоя, или два кольца призраков. В самой середине, присел в совершенно раскрепощённой позе отстрадавшего ещё при жизни человека, тот, кто много лет был символом и красным знаменем миллионов. Да и сейчас на отсутствие к себе внимания со стороны прогрессивного и не так уж любящего прогресс человечества не жаловался. Раскури́в труб-

ку и усмехаясь в густые усы, он внимательно оглядел собравшихся и сказал: Давненько не виделись, генацвали! Гамарджоба! Верной дорогой и куда надо идёте, товарищи! И, обращаясь к сидевшему рядом человеку, сказал: Возьму слово, Владимир Ильич, если вы не против, естественно? Тот даже не повёл головой. Погруженный в собственные тяжёлые мысли, среди такого множества, был он одинок. Покручивая туда – сюда орден «Красного Знамени», приколотый к отвороту пиджака, морща лоб и щёлкая пальцами, человек этот бывший был погружён в решение непосильной задачи, не имеющей решения, точных ответов и границ поставляемых вопросов, вроде квадратуры круга, или количества чертей, помещающихся на острие одной иглы. Не обращая никакого внимания на состояние признанного всеми окружающими вождя, Сталин встал и сказал: Товарищи! Мы тут с нашим Ильичём посоветовались и думаем перенести внезапное заседание в лучшее помещение собственно Мавзолея. Конечно, не в торжественном зале, а служебных помещениях. Так называемой, комнате отдыха для членов правительства и ЦК. Прошу разобрать носильные вещи и следовать за мной. Цепочка призраков потянулась по свежеснежному снежку, не оставляя следов и исчезая в задней двери, ведущей во внутренние помещения. Банкетный стол и стулья, белоснежная скатерть и набор хрусталя уже ожидали гостей. Пришедшие смотрели на всю эту роскошь с явной завистью и только Иосиф Виссарионыч, чувствуя как всегда прозор-

ливо, какое время пришло на землю, сказал: А ведь сегодня у нас и отдохнуть получится! Располагайтесь, товарищи! – А затем помог присесть в голову стола Владимиру Ильичу. Анастас! – громко сказал он, – возьми Луначарского, Семашко, Чичерина и Куйбышева. Как люди этикету обученные, они помогут тебе со столом. Феликс! Спокойно, живых врагов здесь нет, а мёртвые не кусаются! «Остров сокровищ» помнишь ещё? Там во дворе солдаты-двинцы убитые в боях семнадцатого, тогда же угробленная пацанва – юнкера, да красногвардейцы. Праздник сегодня большой, нам и про них забывать нельзя. Те, кто в стене лежит, гулеванить сегодня должны. Организуй им стол в храме Василия Блаженного, да отсюда туда переправь всех, кто погребён после сороковых. Им там ближе и к людям, и к их образу жизни будет. Возьми Клима, да Семёна. Будут ерепениться, ну, тогда, как с предателями! Товарищи Брежнев, Андропов с Черненко и прочими младокоммунистами, прошу с вещами на выход. У нас давно имеется своя, старая вполне устоявшаяся компания. И когда указанные гости вышли, обиженно, ворча и что-то угрожающе нашёптывая, продолжал: За дело, друзья! Стол к тому времени уже ломился от бутылок и закусок. Красное и белое вино, коньяк и шампанское заполнили фужеры, а груды холодной нарезки, как мясной, так и рыбной, овощные и фруктовые консервы, украсили царственный стол. За встречу! – поднял свой фужер с «Хванчкарой» Сталин, и все ответили дружным громким «Ура».

Ночь действительно была волшебной. Пилося и елось, как после серьёзного боя, в редкие часы отдыха. Даже Ильич, к чему-то внутри себя прислушавшись, чуть слышно про-бормотал: Мы, бывало, с мамой, Машей и Надей в Цюрихе без водки и пива и обедать не садились! Что вызвало тонкую улыбку в густые усы! Жаль Хрущёва нет, – сказал Сталин, он бы нам на гармошке сыграл и сплясал бы! А где его то похоронили? Так не у кого же спросить, – ответил Калинин. Ты ж всех, кто после нас ушёл, к Блаженному направил. А мог бы и куда Макар телят не гонял. Знаем мы эти ваши повадки, Иосиф Виссарионович. Вон мою бабу и Молотовскую загнал за Можай, только брызги полетели. И правильно сделал, – отвечал Иосиф Виссарионович. Тебе бы старому о природе законов больше думать, законотворчеством заниматься, а ты, на старости лет, не только на молодой еврейке оженился, так ещё и позволял ей по посольствам на приёмы бегать, идею об отдаче нашего Крыма под Еврейскую автономную республику проповедовать! Это как? И Жемчужина эта, Молотовская! Хоть бы фамилию мужа взяла или со своей шмеерзульской осталась. Жемчужина. Из навозной кучи. Возвращена мною лично в прежнюю доблесть. Чем ратовать за свободу и демократию для одной, отдельно взятой, еврейской нации, возьмёт стекла осколок, да будет из ватников лагерных вшей выгребать. Ища равновесия в природе. Между числом очищенных ватников и количеством не заболевших заключённых! Лично! Очень ответственная работа. Ни-

кому кроме неё доверить было нельзя. Понял, старинушка? И глухни! А-то Дзержинского позову! На предмет проверки твоего крестьянского происхождения. Вон ты на почтовой марке на тракторе был изображён, а откуда у тебя трактор? Ты не колхозник, не из МТС, не с полей орошения и квадратно-гнездового метода, а разъезжаешь! Нет! Надо будет у тебя спросить, как, когда и где ты к нашей партии примазался, кулачѐк хренов. Да ещё и мировым сионизмом подкупленный. А ну, иди отсюда. Осержусь! Слышь, Х**бывшев! Тьфу! Куйбывшев! Подойди быстро сюда. Вот ты планированием руководил, умер вовремя. Никто тебя никаким репрессиям не подвергал. Так ответь как на духу. Если бы революции семнадцатого не было бы, для страны как? Лучше, или хуже бы сейчас было? Так, Иосиф Виссарионович! Чего там было бы, это не ко мне. Это к цыганам и армянам. Пускай гадают. Страну мы приняли крестьянскую. Десять процентов прочие, остальные крестьяне, война с 1914 и до бесконечности! Разрушено всё! Кадров своих ни технических, ни научных, ни из числа прочих естественников в помине нет. Как и гуманитариев деловых. Всё колеблется и шатается. Теория, марксизм с ленинизмом есть, да она с практикой не сходится, в реальное противоречие входит. Её дописывать и преобразовывать надо. В руководстве страной и партией, в основном, собрались евреи. Я это не потому говорю, что к ним отрицательно отношусь, Господь-Вседержитель, по-матери, из них, а потому что сколько евреев, столько

мнений. И убедить уступить нет возможности. Будут теории грязные в жизнь проводить, пока народ в крови не захлебнётся! Или, пока им кровь не пустят! Ещё очень много тех кто знает, что надо делать. Особенно, из числа героев Гражданской войны. Их миллионы, всем дай красивую жизнь, раз они кровь за революцию проливали, а они руководить будут. Хотя, в основе своей, не только ничем руководить не могут, вообще ни на что, кроме кровавых призывов, жестов и действий не способны. Да вы же и сами всё помните, товарищ Сталин! А сколько вражин, скрытых и не очень, осталось? Мне терять нечего! Я уже мёртвый, хуже не будет. Так вот я вам так скажу. Слава Богу, что вы в борьбе победили, а не Троцкий с Бухариным! И не прочие достойные лица! Ильич наш телятей был. Какая мелочь: «Требую отдать приказ о захвате на территории соседнего государства двухсот заложников из числа буржуазии, офицеров и гнилой интеллигенции и провести на центральной площади показательные расстрелы.» Или: «В полит. бюро партии левых эсэров. В случае смерти Дзержинского весь состав вашего полит. бюро будет расстрелян без всякого суда и следствия. Ульянов-Ленин.» Мотылёк просто. А вот Бухарин. Так называемый, «любимец партии»: «Если нам придётся уничтожить до восьмидесяти процентов населения России, то оставшаяся часть послужит основой народа нового революционного поколения!» А Троцкий! Всех в казармы. Трудовые армии для бесплатной работы. Отдельное содержание мужчин

и женщин. Полное отсутствие института семьи. Отбор малых детей от родителей. И так далее! А сколько у них последователей везде было? Сторонников разных? Так что вы, товарищ Сталин, Иосиф Виссарионович, были правы! То, через чего страна прошла, привело к тому, что выжила она. Мы на Красной площади наши даты встречаем, а не германские племена с англо-саксами. Разрешите выпить за это стоя? Прошу всех встать! Выпили, опять присели за стол, и в это время Сталин заметил, некая фигура в кожаной куртке, галифе, сапогах и с бородкой клинышком, нервно протирая пенсне и кивая на Сталина, оживлённо шепчет на ухо Ленину. Эх! Лаврентия нет, – громко сказал Сталин. Хороший и нужный был человек! Он бы тебя, гниду, быстренько, до самой точки разъяснил. Свердлов! Стоять! Ко мне бегом марш! Но тот и не подумал на команды реагировать. Сталин с досадой прошептал: Миа кульпа! Миа максима кульпа! Со всем забыл, окончил ты свой жизненный путь, дорогой товарищ, в году 1919! И о всех дальнейших событиях так ничего и не узнал. Ну я и сам могу подойти. Чего вот ты «Старику», а это не только его возраст, но и партийная кличка, на ухо шепчешь? К году смерти, то-есть, к 1924, превратился наш вождь в «овощ». Ложку в ухо нёс. Кормили, поили с ложечки. Не успевали пелёнки менять, памперсов ещё не было! Так ты думаешь, сейчас, когда он тут, а его мозг в районе зоопарка в лаборатории находится, вождь лучше понимать тебя будет? Маршалы! Будённый с Ворошиловым! Выкиньте

этого поганца из мавзолея к чёртовой матери! Что за семья поганая? Один брат – Свердлов, ВЦИК возглавил сволота. Другой – тот, вообще, Пешков оказался, приёмный Горького сын. Разведку французскую возглавил при Де Голле. А зять у них хриstopродавец, отравитель и иуда – Ягода. Он же – Генрих Иегуда. Нарком НКВД. Палач. Как, скажи, им во власти мёдом намазано. Выбрасывайте его, ребята. Что и было проделано легко и охотно! А когда Свердлов попытался вернуться, бормоча о своих заслугах и полномочиях, в дверях его встретил молодецким ударом в челюсть Киров, с криком: Я, может, об этом всю жизнь мечтал, вновь выкинул Свердлова за дверь! К этому времени заметно посветлело. Последней, товарищи! – сказал Сталин. За нашу великую Родину. За Россию! Ура! И никого не осталось в зале после этой призрачной пирушки. Только лёгкий запах табачного дыма и серы, да потухающие огненные слова на гранитных плитах мавзолея: «Спите родимые братья! Кто ваш покой отберёт?»

А я фольклёрный персонаж

Жил был, уанс апон э тайм, герой баллад, песен и легенд, некто Цыплёнок Жареный. Чего тут было фамилие, чего отчество, я вам не скажу. Не знаю! Скучные биографические данные не дают простора полёту фантазии. Заметьте! Наш персонаж – это не продукт питания, а элемент реальной и бурной псевдожизни! Страна его породившая, по словам заслуживающего доверия очевидца, раскинулась так, что «скачи, не скачи. Ни до чего не доскачешь. «Короче, как сказал что-то отрезая Склифасовский: «Ровнем, гладнем разметнулась на пол света, да и ступай себе считать версты, пока не зарядит тебе очи». Я извиняюсь за столь длинную цитату. Старый автор. Давно позабытый в той самой стране произведения! И многих соседних! Итак, наш персонаж решил отправиться гулять! В его не совсем птичью, но и не ослиную же голову, ни на минуту не пришло: А прав ли я буду? Подходит ли данная страна, в настоящее время отягощённая борьбой всех против всех, для таких бессмысленных прогулок? Существует авторитетное мнение – дело было в городе Одессе, для придания уюта называемого словом мама. Так и говорят: Я из Одессы-мамы, папина дочка. За папу, в данном варианте развития событий, канал ещё один город – Ростов. Не тот, Великий, а тот, что имеет Нахичевань и углы работает на Дону. Как сказал ещё один

кино персонаж: Той ещё паренёк. Не рахитик! Однако, вернёмся к товарищу Жареному! Именно в этот момент и начинается трагический перелёт событий. Безымянные авторы с целью драматизации, обострения сюжета песни, вводят туда второе самоназвание. Цыплёнок Пареный, раздваивая персонаж, намекая на его вездесущность и распространяя трагиду происходящего на всё несчастное сообщество городских и сельских, не смирившихся с революцией обывателей, которым приходится выживать в суровые и голодные грозные годы! Вы, конечно, знаете, в Одессе времён Гражданской войны было сколько улиц, столько и властей. На одном перекрёстке документы проверяли жовто-блакитные самостийники, на другом французские зуавы, на третьем португальские мариьяро. И так до бесконечности. А тут Пареный-Жареный, да ещё и Цыплёнок! Представляете ситуацию? Хохлы пытаются: Ты жид, чи шо? Зуавы с тыла подбираются, на ходу себе штаны расстёгивая, а португальцы на трёх языках предлагают купить вагон апельсинов из Мозамбика, ром и сигары! Хорошо хоть патруль казачий прискакал армии Юга России. Поставили Цыплёнка между копей, да в сторонку отогнали. Именем генерала Деникина, вы арестованы и подлежите быть направлены в наши казематы и застенки! Сейчас велите, покажите паспорт, или иные документы, подтверждающие, что вы и есть тот самый пресловутый Цыплёнок Пареный, он же Жареный, он же Пуцикович-Карно, он же Елизавета Разбейсопли! От таких требо-

вания несчастное существо немедленно впало в ступор! Но, получив хороший заушник, воспряв от затрешины, оплеухи, двух пендалей и «показа Москвы», живописуя собой ангельский нрав и обывательское смирение, несчастное животное вернулось на круги своя. Господа! – Прозвучало робко и тихо! Я, к величайшему моему сожалению, не имею паспорта. Утрачен! Вы не поверите, сгорел в огне и дыма нет! Последствия весёлого налёта атамана Грициана Таврического на сельский базар под Елисаветградом, голым убежал от огня и мерцающих в свете пожара клинков. Как спасся, до сих пор не понимаю. А атаман погиб. Жениться в очередной раз на местной вздумал, а отец невесты ему всю женилку, с корнем! До основанья, а затем! На заборе вывесил! Вы можете проверить, такой товар недорого стоит. Должна была сохраниться! Да, давай, я для вас сам сбегая. Чего занятых людей от дел серьёзных отрывать? Что вы говорите, как насчёт грошей? Господа – казаки! Вы – таки будете смеяться. У меня, как у латыша, хер, да душа. Из носильного чего в пользу сирот Дона? Берите! Да вы уж и исподнее мое берите. Всего две недели как в бане был. Ещё почти чистое! Вот спасибочки вам! Кальсоны оставили, и уже мне легче. Срам прикрыт. Так я пойду. До побачення! Бувайте здоровеньки! С этими словами Цыплёнок Жареный, решив прервать явно не удавшуюся прогулку, отправился к месту постоянного проживания. Но злоключения его и не подумали закончиться. Стой! Купорос тебя в упорос, – прозвучала коман-

да на чистом местном диалекте русского еврейского. Отряд самообороны Малой Арнаутской! Рубинчик моя фамилие! Беня, Вы будете-таки смеяться. Тут какой-то поц ломится в одних кальсонах как голый на случку с кобылой вашего папаша Менделя. И называет себя, по-научному, жареной едой. И пареной. Моня! И где там твоя артиллерия? Привяжи гранату к кальсонам этого из-под дохлой кефали выползка, и нехай бегит. Тарахтя об енту гранату мудями! Или наоборот. Выбор его. Я сегодня просто в ударе. Вечером будем у «Фанкони», надо будет на музыку положить. Мотивчик простой «Хорошему танцору, граната не помеха. Без крика и без ору танцует он для смеха. А коль тебе мешают родные причиндалы. Плохой танцор – решают окрестные кидалы! Та рам там там! Та рам там там! Ой, Бенчик! Этот вошь меня стукнул, прямо по-профилю, по хворме лица двинул. И слинял! Во, гад! Разойдись, стреляю. Нет, я его огнём и колёсами. Беня! Где наши колёса? Кончились? Вот так всегда. Не успеешь кайф поймать, колёса кончаются. А, ладно! Вон и «жизнь прошла, как прошли Азорские острова!» Как сказал мой друг, антисемит из села Багдади: Нит гедайге! Гевол геволим кулой гевел. А наш Цыплёнок усиленно рвал когти в сторону дома. Развязавшиеся штрипки от кальсон и выпавшие при движении из ширинки части организма мерно вились на ветру. В воздухе витала предгрозовая атмосфера, «по военной дороге, шёл в борьбе и тревоге боевой 19 год!»

Про жабу!

Жила-была жаба! Ну, как ей и положено, на вид противная, но это только для посторонних. Своим она казалась очень даже ничего. Причём, лицам обоего пола! Чего мы вообще про жаб знаем? В сказках они дюймовочек крадут. Хотя, если подумать, на какой хрен им это надо? Если в целях матромониальных, то зря. Ничего от такого межвидового скрещения не получится. А если так, поматросить и бросить, то ведь даже лягушка какая будет родней и ближе. И холоднокровная и склизкая. Красота! Теперь среди людей. Вот говорят, жаба давит. В том смысле, что жалко отдавать что либо просто до удушья физического. Жадность чисто человеческая индивидуя одолевает. Потом ещё грудная жаба у людей бывает. Но это из области патологии, и касаться чисто медицинской тематики мы не будем! Вот пожалуй и всё! Нет! Забыл. Ещё, якобы, есть такой «жабий» камень – безоарий. Кто его имеет, никакого яда может не страшиться. Но вот, где его добывают, в чём минерал данный содержится, науке доподлинно не известно. Кто говорит, что в жабе, но она сама должна тебе его отдать, а кто и в природе камень находил. Может какая амфибия концы отбросила, а камешек то и остался. Так что одно другому здесь совсем не противоречит! Но это всё, то что вы сейчас прочитали – преамбула! Слово научное, употреблять приходится редко, так что упо-

требляю. Преамбула! Я тут недавно фильму смотрел. Про красного чекиста – оборотня Лёньку Пантёлкина. Так там один персонаж Брамбулой назывался. Бандит, естественно. Чего это такое – Брамбула – ни я, ни сценарист не ведает, а то бы хоть в титрах сообщил. Имя, фамилие, почему псевдоматросом одет и на кладбище по могилкам прячется? Да и Пантёлкин – это чего и куда? Отвлёкся я, так много вещей для психиатра интересных вокруг. Вот, например, идёт по реке теплоход. Народ уже сидит на скамеечках, ждёт чего-то. Так режиссёром задумано. И вдруг, из-за борта вылезают три псевдо жабы огромного размера и такое начинают вытворять! А ласковый голос диктора извещает, перед нами выступает творческий коллектив «Жабокряки!» Ещё я сам фильм ужасов видел. Страшное дело. Один царь-батюшка очень любил всё считать. Типа, я статистиком родился, не на шутку рассердился, все науки надоели кроме енттой канители. И давай всё что глазами видит, считать, давай считать. Считает и фамилию не спрашивает. Устал, конечно, болезный. Хоть будь самое какое ни есть плохонькое царство, но всё равно, что посчитать найдётся! Так царь этот, вспотев от дел, умыться решил. Корону на гвоздик, воду в тазик, тазик на табурет. Всё! Мойся. Ага! Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Нагнулся к воды поверхности, а оттуда рука как высунется. Пальцы длинные, ногти острые. Хвать его за бороду и в таз утягивает. Сопротивляется царь, но чувствует, сдают силы. Чего тебе нужно, вопрошает. А ру-

ка ему чисто человеческим голосом и говорит. Отдай мне вещь, которую ты в своём царстве статистическом не сосчитал. Царю бы прикинуть, как можно его, мужика взрослого, в мелком тазике взять и утопить, а он на всё согласный. Поэтому, всё схвачено, за всё заплачено. И всё подсчитано. Пролетел, конечно! Зря соглашался. Потом выкручиваться пришлось. Но я то ведь про жабу! В далёкой и прекрасной стране Канаде, под огненными осенними кленовыми листьями, хорошо суровыми и долгими вечерами с шумом проливного дождя, есть вкусные пимиентские блинчики с сиропом, кленовым, естественно, жила-была жаба. Существом была сия особа неприхотливым. Муху поймает, съест – вот и праздник. Зимой спала в глубинке местного озера, весной икру в него метала, а потом просто так в воде плавала и на листиках сидела. Хорошо-то как! Так вся жизнь постепенно и прошла. Померла старая! Как вам такой сюжета выворот? Не ждали? Тело жабы на дно пошло, а душа, в столбе белом огненном в небо рванула. А чего? Какие у жабы грехи? Всяких инсектов ела, так в том беды никакой нет. Плодилась и размножалась? И тут всё по заповеди. А уж про прелюбы какие, точно, не сотворяла. Чего нет, того в природе нет. Почему не допустить, что и для меньших братьев наших спасение доступно? Пускай и после смерти живут. В Космосе планет этих столько. Каждому хватит! Предстала перед своим Вседержителем, а тот её и спрашивает: Чего, мол, ты хочешь? За жизнь твою, праведную, я тебе могу и навстречу

пойти! Излагай! Ну, амфибия подумала, подумала и говорит. Хочу всех счастливыми сделать. Пускай Земля наша будет благом для всех. Пусть всем еды, воды, и солнышка хватает. Пусть вся планета Земля превратиться в огромное мелководье, хорошо солнышком прогреваемое. И что бы мух, комаров и насекомых разных побольше. Почесал в затылке Вседержитель, да и говорит. Ежли сделать по слову твоему, то в отсутствие теплокровных все насекомые кровососущие передохнут. Птиц не будет, кто икру вашу от водоёма в водоём будет таскать? И так далее и тому подобное. Извини. Моя вина. Нашёл у кого спрашивать. А тебе я жалую персональное болотце и вон того жабу-мужика. Можешь начинать новую жизнь хоть прямо сейчас. Следующий! А жаба подумала, подумала, да как вдарится со всей дури о пенёк ближестоящий. И мгновенно превратилась в руководителя Международной Хельсинской группы Людмилу Алексееву. Подступила к Вседержителю да как заорёт: А ну, отправляй меня на Землю нашу страдающую. А не то я здесь мониторинг проведу, пикеты из самой себя расставлю и в родной наш Государственный Департамент пожалуюсь. Вот как внесут тебя в список «Магницкого», как станешь ты, сука рваная, невъездным и нерукопожатным, то отольются тебе сиротские слёзы. И Чирикову позову. Эколога типа нашего. Ужо спросит она с тебя за каждую икринку, тобой лично схарченную. И не говори здесь ничего. Что бы существо такого масштаба и икры не ело? Хоть я и не Станиславский,

но всё равно скажу: Не верю! И всё! Тут Вседержитель щёлкнул пальцем, и Жаба прекратила явно не дозволенные речи! Нет вокруг ни Ада, ни Рая, ни Канады, а летит амфибия на высоте птичьего полёта, за лапки к ветке скотчем прикрученная. Несут её два суровых природоохранителя – стрепета в далёкие края. А, может, и неведомые! Вариант! Отпустят в вольный полёт. У каждого должна быть свобода выбора и двух выходов. Даже у либералов!

Путаница!

Раз на острове Буян некто выхлебал стакан и до умопомрачения, и не требуя леченья, заявил, что он амбал, а сейчас спешит на бал. Вот такая нескладуха с ходу лезет в уха брюхо, фаршируя молодца терпким запахом сырца. А также рифмуется со словами сольца, яйца, сердца, отца и Отсосипальца. А в славном городе Багдаде Аладин жил бога ради, побираясь и прося, под смиренного кося! Ох! Мудёр был Аладин, что достал, пропъёт один. Ибо, знал, для молодца бабу надо и винца! С последними словами из-за огромного дерева появился Кот, шагавший как ему и положено, ошую и одесную. Заготавливаю рифмы, сказки народов, основы поэзии буриме, поэмы экстаза и соития. Садомазохизм и антифа в одном флаконе. А вот кому... И остановился. Сразу! Поскольку, «перед ним стояла Голова!» Да, да! В шеломе богатырском, с длинной гривой седых вьющихся волос, бородой, усами и не мигающими глазами. Кот сначала закрыл, а потом протёр глаза, видение не исчезало. Тихо замыкав, животное попыталось скрыться, запуталось в золотой цепи и упало. Слышь, парень, – услышал кот. Ты бы это, спокойней, что ли. Голов не видал, али как? Какие проблемы? Давай будем домами знакомиться. Голова. Стою. По произведению А. С. Пушкина. Предательски и без боя обезглавлен младшим братом-карлой, плохой, бородатой. Тот то-

же ужасно кончил. Летать, стрикулист этакий, научился, да Людмилу спёр, последствия, как говорится, были не такие, на какие рассчитывал. Кончил его русский богатырь Руслан, не смотря на таскание карлой через моря и через леса. Руслан с Людмилой карлу ухайдакали, а у меня тулово отрастать так и не подумало. Как стоял, так и стою. Только меч, что богатырю отдал, ровно стоять перестал мешать. Мне без него удобней стало, задрёмывать начал, сны про девок видеть, и на тебе! Сегодня утром слышу мотор грузовичка работает. Подъезжает приличных размеров платформа, из кабины вылезает четверо в синих, четверо в красных униформах и представляются: «Весёлые перевозчики»! Здорово, – говорю, – ребята. Дело пытаем, или от дела лытаем? Ну, по нашей сказочной традиции всякую херню пороть! Один мне на пальцах разъясняет. В целях охраны окружающей среды, Советом по превращению сказок в ещё более сказочную действительность, поступило предложение переместить объект в пределах заповедника Лукоморье из пункта А в пункт Б. Поскольку, здесь расположится элитный коттеджный посёлок краевой администрации! Вопросы есть? Нет вопросов у матросов. Вы матрос? Нет? Так что вас и не спрашивают. Чую, под меня слегу подвели и с молитвой и такой матерью на ихую платформу переместили. И вот я здесь. Но и это не всё! Эти самые весельчаки мне объяснили про какую-то рентабельность и самокупаемость. Я ни черта не понял, но чего ты поделаешь, коли ни рук, ни ног? А тут,

на новом месте подо мной организовали инкубатор по выведению страусов из яиц. Мол, ровная температура объекта, его неподвижность и устойчивость, позволяют рассчитывать на те же эффекты для вывода страусят, как при использовании геотермальных источников! Ты прикинь! Меня, богатыря, в инкубатор! А ты тут в обмороки падаешь! Вместо того, что бы когти рвать. Ведь не сегодня, завтра и до тебя доберутся. Вон, с русалкой, что на ветвях сидит, скрещивать начнут. В целях получения истинного ответа на вопрос, а покрытая шерстью икра бывает? Холодостойкая. Для Заполярья! Кот дослушивать не стал. Достав откуда то из сапога подпилоч, он быстро спилил замки, деловито сунул цепь в карман и заявил: Ну, я пошёл! Будут спрашивать, пускай к Пушкину обращаются. Кто куда, я в пункт скупки лома драг. металлов, а там на самолёт и к маркизу де Карабас. Тот меня точно на яйца не посадит. Арриведерчи, братан. И исчез как тень в предутреннем тумане!

Новочеркасск. 1962 год

Капитана милиции Воскобойникова пригласили в кабинет начальника гор. отдела. Ничего необычного в этом не было. Участковый уполномоченный время от времени присутствовал на совещаниях и планёрках. Как говорится, в части касающейся. Например, если разрабатывалась операция совместно с операми из отдела железнодорожной милиции, поскольку в сферу его деятельности входил городской вокзал, а, также, центральная площадь этой части города, как раз перед местным крупным заводом. От вокзала до проходной пролегал тенистый сквер с красивыми цветочными клумбами, сам же центр города был километрах в десяти, за мостом через нехилую реку Дон! Старинный русский казачий центр лихорадило. Шёл суровый для народа 1962 год, коммунизм, навреде, вот – вот построят, а с прилавков стремительно исчезали мясо, сало, масло и молоко. Вокруг лежали казачьи станицы, тысячные стада бродили вокруг города, нагуливая вес, а жрать, если уж говорить правду, становилось нечего. На рынках цены взлетели на недостижимую высоту. Хорошо, если были родственники вне города, картошки, или курей подбросят, а у кого их нетути? Грызи ногти? Анекдоты поползли. «Выходит на сцену Тарапунька с авоской-сумкой, там чего только нет. Мясо, колбаса, осетра хвост свешивается, икры банок пять черной. Изобилие! Его Штеп-

сель и спрашивает, откуда? А Тарапунька и говорит. Я с утра сумку на радио вешаю, к вечеру полным полна!» По трансляции и правда слушаешь, неслыханные успехи. По продовольственным показателям не только ажур полный, перевыполнили всё что можно. Потом догнали, и ещё больше перевыполнили. Америка горячими слезами плачет. Не может оправиться от того, что мы страну эту не только догоним, но и перегоним, позади оставим, в пыли от ушедшего в светлое будущее экспресса Союза братских Социалистических республик. Гуд бай, мол, янки! Да что там Америка. Секретарь наш Первый чего сказал? Партия коммунистическая, наша любушка, торжественно провозглашает, уже нынешнее поколение советских людей будет жить при Коммунизме, являющемся светлым будущим всего прогрессивного человечества. А не прогрессивное в сторонке отдохнёт, сидя на грязной обочине и завидуя! Да не просто сказано, с обозначением сроков реальных. Через двадцать лет – Коммунизм. Всем по-потребностям, от каждого по-способностям! Ни более, ни менее! А сейчас рабочие в городе попробовали с руководством завода своего о проблемах еды поговорить, те народных представителей х**ми покрыло, бунтовщиками, заводилами и подстрекателями обозвало. После чего встал завод. Рабочие и служащие, работу бросив, завтра на митинг собираются. Попросили руководство партийное и советское придти, да перед людьми объясниться. Каким таким образом получается, что после войны страшной, когда

половина страны в руинах лежала, карточки отменили и цены каждый год на продукты снижали? Чего теперь

руководителям мешает? Или старшой не тот? Вот был бы товарищ Сталин, он вас, зажавшихся, опять к 37 году привёл! Быстро бы в лагерях похудели! Вон хари какие в политбюро. За три дня не обсеришь. Каждое хоть решетом покрывай! А у нас дети голодают. Ну, до чего народ обнаглел и дошёл. Не иначе, враги из этой самой испугавшейся насмерть Америки, подстрекают! Вот, что услышал Воскобойников в кабинете начальника от приехавшего генерала в штатском. Всего в кабинете увидел он из знакомых человек пять. Были ещё в штатском, но с выправкой военной, у каждого между ног стоял автомат, или пулемёт ручной, тряпками замотанный. По костюмам видать – люди приезжие. А генерал продолжал. Имеются оперативные данные. Завтра, во время митинга у проходной завода, провокаторы заведут речи о том, что идти надо в центр города, громить партийные и советские учреждения, магазины, школы! Могут последовать попытки захвата железнодорожного и автобусного вокзала, горвоенкомата, почты, телеграфа и телефона. Завод взят под охрану бронетехникой и полком солдат-десантников. Ваша задача – обеспечить охрану центрального здания на площади Ленина, где расположен Горком и Исполком. Прибывшие могут выйти. Вам выделено помещение здесь же для отдыха и питания, а вы, товарищи офицеры, оставайтесь. Он мигнул ещё одному в штатском. Майор! Про-

шу всех по одному человеку подойти ко мне, ознакомиться и расписаться. Текст один. Я, нижеподписавшийся, обязуюсь хранить ставшую мне известной Государственную тайну. Если я любым образом разглашу сообщённые мне сведения, то буду предан высшей мере наказания – расстрелу! Ознакомился. Число. Подпись. Поглядел вокруг Воскобойников Степан и увидел, в кабинете товарищи его по службе в органах милиции. Город, не маленький, но, всё равно, пересекаешься. Вон Васильев из ОРУД-ГАИ. Вместе в армии служили, в одном разведвзводе командирами отделений. Сергеев в углу присел. Тот зам. командира десантного взвода был. Ещё пара бывших вояк кто в спецназе служил. Понял Воскобойников, дело заваривается серьёзное. А генерал собрал подписанные листы, в папку убрал и с новой речью обратился: Товарищи офицеры! Родина требует от своих сынов твёрдости и мужества. Враг коварен, скрытен и не дремлет. В нашем городе объявлено чрезвычайное положение. Одураченные и поддавшиеся вражеской пропаганде отдельные элементы из числа жителей готовы на погромы, убийства и насилие в отношении представителей советской власти. Но, враг просчитался! Революция лишь тогда чего-либо стоит, если она умеет себя защищать. Это слова великого Ленина, говорят они о прозорливости вождя страны и революции. Революцию в белых перчатках не делают. Вождь пролетариата и тут прав. Вам поручено завтра осуществлять охрану городского комитета партии и исполкома горсовета, на-

ходите на казарменном положении. Получите оружие у товарища майора. Он же укажет вам место проживания в городе. Комитет Коммунистической партии Советского Союза и лично Первый Секретарь ЦК КПСС, товарищ Никита Сергеевич Хрущёв, рассчитывают на вашу преданность народу, выучку и твёрдое следование служебному долгу. Желаю успехов, товарищи офицеры. И вышел. Тишина нехорошая в зале повисла. Но, майор встал, скомандовал, и все гурьбой вышли из комнаты. В подвальном помещении им предложили переодеться в разложенные на стульях гражданские костюмы, расписаться в получении вещей, включающих в себя ботинки и шляпы, а затем перейти в соседнее помещение. В углу стояли на своих треногах отлично знакомые пулемёты Калашникова. Как с ними обращаться знали все, привыкать не было необходимости. За три года службы в армии пулемёты эти прикипели к рукам. Разберите оружие, патронные коробки с лентами и за мной, – приказал майор. Когда вышли во двор, там уже ждал фургон с надписью «Хлеб», в котором и прибыли во двор Горкома. Зайдя в здание, спустились по слабосвещённой лестнице в подвальный этаж, а там, через массивную дверь в бомбоубежище. Стальная плита закрылась, и сквозь звенящую тишину офицеры прошли в штабную комнату. К их удивлению стол на командном пункте ломился от еды, стояли две бутылки коньяка. В углу лежали спальные мешки армейского образца. В конце комнаты – туалет и душевая. Кто желает, может восполь-

зоваться, – услышали они. Воскобойников, помыв руки, подошёл к столу и махнул стакан коньяка. Говорить с кем либо совершенно не хотелось. Так что, плотно закусив, улёгся он в спальник и проспал часов до восьми. Когда и прозвучала команда «Подъём». Ничего неприятного ему не снилось, а лёгкое волнение перед грядущим легко снял коньяк. Позавтракали остатками вчерашнего ужина. Кофе уже был на столе, коньяка не было! Около девяти прозвучала команда «За мной», и пятёрка поднялась в чердачное помещение. А вот и выходы на крышу. Залегли у края, рядом с железным ограждением бездны, аккуратно расставили пулеметы, заправили ленты и стали ждать. Никаких угрызений совести Степан не питал. Он и в Армии присягу давал по защите Социалистического Отечества, и при вступлении в милицию опять присягал. Теперь уже клялся охранять социалистическую и личную собственность, общественный и государственный строй, жизнь и здоровье людей! Устав патрульно-постовой службы милиции знал участковый инспектор и капитан отлично. Когда оружие можно применять? Очень редко в чрезвычайных обстоятельствах. Да вот они: Когда жизни и здоровью граждан, или сотрудника милиции грозит явная опасность. Когда другими средствами предотвратить совершение тяжкого преступления нет возможности. Когда лицо, взятое под стражу, покушается на побег. Когда совершается нападение на конвой милиции. И при наличии массовых погромов и разрушениях, сопровождающихся жерт-

вами среди мирного населения. Пункт пятый был налицо. Видел не раз Степан, на что способны поддавшие и не регулирующие себя бывшие казаки и иногородние. Станица на станицу с колами ходила. Сколько уж лет с Гражданской прошло, а казаков одной из станиц до сих пор почём зря лупили окрестные казаки, за то что оказались её обыватели единственной из станиц на стороне красных, большевиков, и восстание Донское подавить помогли! А уж между казаками и украинцами свары были давние, незатухающие. Так что не мучили никакие угрызения совести советского капитана милиции. Дед воевал за Деникина, отец в составе казачьей дивизии до Вены дошёл, а у него и выбора нет. Он на службе, погоны носит! А внизу толпа огромная стала площадь заполнять. Кто и на памятник Ленину влез. Какой-то мудака ему на голову тряпку косынкой повязал. А перед горкомом цепочка тоненькая солдатиков с автоматами. Срочники, около взвода всего. Капитан перед строем. В мегафон кричит, объясняет, что разойтись надо, а в ответ смех, матерщина, да свист с улюлюканьем. Можно легко предвидеть, не сдержат толпу, если та на штурм пойдёт. Так все и полягут как в Венгрии. Был там капитан Степан Воскобойников, тогда ещё старший сержант, видел, как толпа солдатиков молодых из сил государственной безопасности камнями до смерти забивала и на ворота за ноги вешала. А ораторы друг друга сменяют. Толпа кипит, воет, вопит, и вот – волна выплеснулась. Пошли, побежали на штурм! Солдатики в воздух стрельбу

открыли, автоматы только вверх смотрят. И команда тихая: Товарищи офицеры! Огонь на поражение. Пошёл! Тут и ударили с крыши пять пулёметов по толпе без промаха. Каждая пуля жертву находит. Стон пошёл по площади. Народ назад кинулся. Передние на задних прут. Давка страшная. Сколько-то подавили! А пулемёты продолжают. Замолчали, когда ленты первые закончились. И опять команда: Оружие к осмотру. Разрядили, затворы передёрнули стрелки. Магазины рядом положили, сами лежат, ждут. Майор скомандовал: Благодарю за службу. Прошу проследовать в автотранспорт. Опять на том же фургоне с надписью «Хлеб» по домам их развезли, а там только и разговоров про то, что у Горсовета случилось. Плюнул Степан, сунул жене раза по потылице, заткнуться велел, стакан махнул и спать лёг как был, не раздеваясь! Ботинки снял только! Наутро на службу его вызвали. Генерал приезжий, уже в форме, построил пятёрку и объявил: За мужество и героизм наградить... Короче, всем по «Звёздочке Красной». Да звания очередные досрочно. И – перевод на новые места службы. Опять-таки с повышением по должности. Не так и далеко, но уже не в пределах края казачьего. А в городе прошли аресты массовые. Убитых быстренько рассовали по могилам чужим на окраинах, найти их родственники не смогли. Семерым «вышак» дали, остальным по совейской мелочи: от десяти до пятнадцати. А через года полтора и сучьего сына Хрущёва сняли. Так что все события и кровопролития тихо на волюнтаризм и пере-

вели. Такое гадское и людоедское течение оказалось, аж Первый Секретарь ЦК КПСС с ним справиться не смог. Пошёл на поводу и зело жидко облажался! Бывает! А вот почему дети людоеда этого в США обретаются в настоящее время? Чем папаня их заслужил такое к потомству своему благорасположение? А хомяк и говорит: «это такая кладовочка, она ничья!» Поскольку отец являлся своеобразным, первым русским послесталинскими демократом! А оттепель – она хрущёвская. Как раз во время этой погодной аномалии и произошли описанные события.

Изгнанные из рая

Жили-были Макуха и Жмых. Народ тёртый, жизнью жёванный. Пространство для размещения имели они и малое и специфическое. Малое по размеру метража на каждого индивидуя, размеру оконца и количества баланды на душу населения. Короче, как вы уже догадались, сидели они в камере изолятора следственного, а какой у него номер был, то бог весть. Как говорят учителя русского языка и литературы в современной школе – не играет влияния и не имеет роли! Дачек с воли они не имели, о подогреве только в сериалах по телевизору, так что на излишние килограммы пацаны сорокалетние не жаловались. Свои бы сберечь! Вы меня спросить можете, а отчего двум этим личностям подфартило так? Не камера на десять, в которой двадцать пять, отдельный двухместный номер. По нынешним временам – неслыханно, для тех, кто этого не видел. Можно объяснить! Лет пять назад и тот и другой по УДО откинулись. Макуха чалился до того восьмерик, Жмых пятёру оттянул. И – на свободу с чистой совестью! Потому «Запомни сам, скажи другому, хороший труд – дорога к дому». Сели в поезд, друг на друга глянули, и всё ясно! Слово за слово, х**м по столу – познакомились и подружились. Как положено, водочки выпили, салом, на вокзале купленным, закусили, и сразу разговор возник. Мысль одна и та же, а двоих гложет.

Когда садились, а после на нарах парились, страна всё вперёд шла. Поступательно! И так далеко ушла, понять, что почём, нет физической возможности. Был социализм с человеческим лицом, где-то уже и на коммунизм замахивались. Зоны, где срока они тянули, были «чёрные», с информацией политическими там не озабочивались. Сделай норму, режим не нарушай, не выёбывайся, а в бараке твори, выдумывай, пробуй. Что хочешь и можешь! Тебе смотрящий, если что, подскажет, а шестёрки его разъяснят. И у того и другого проблем особых не было. На нарах не в первый раз, по третьей ходке пошли, привыкать не надо. Не в авторитете и законе, но мужики твёрдые. Своё место в иерархии имели! Выпили новые кореша в вагоне и порешили, поедут вместе. И у того и у другого – ни кола, ни двора. А вокруг люди деньгами просто сорят. В вагоне-ресторане не протолкнёшься. Мешочники какие—то с баулами и сумками пестрыми огромными едут. Столпотворение! Великое переселение денег, товаров и народа! В Коломне городе, там где свои дивные башни старый Голутвинский монастырь в небо Окское тянет, прямо у слияния Москвы-реки и Оки была деревушка малая, откуда Макуха родом был. Домик там стоял об шесть окон, огород при нём, банька старая. Мать сына не дождалась, померла, но строение родовое сыну завещала. Всё чин по чину, хоть сейчас въезжай. Туда и порешили добираться. И добрались. Дом старый конечно, но брёвна в три обхвата, окна маленькие, подслеповатые, да стёкла це-

лы. Завалинка вся травой поросла. Но крыша шифером отменным покрытая. Водостока два. Забор целёхонький, а рядом скамеечка. Мать до последних дней в огороде пропадала, огурцы местные на всю страну славились. Сколь могла картохи посадила. Продала прошлой осенью перекупщикам из своего же села, но деньги получила. Вот дом к возвращению сына, как смогла, подделала, а сама не дождалась. Давно на Руси замечено. Отцы первыми, рано уходят. Война, работа, а то и зона своё берут. Вся страна на матери держится. Только и она не трактор, не железная. Вот и до срока уходят матери наши. Страна такой, что ж тут скажешь! Зима первым снегом поля и дороги окрестные запорошила, когда пришли Макуха и Жмых на порог. Вошли они в дом и жить стали. Денег на первое время хватало, а далее видно будет. Чего Бога гневить? День прошёл – слава Спасителю! Участковый милиционер заходил, побеседовал, документы проверил, помог с регистрацией. Паспорта новые настоящие получили, вольняшки, что и приятно и полезно. Даже на работу легко устроились. На Коломенский машиностроительный завод. Тяжело работать не привыкать было. Дома в подполе картошка с морковкой сохранилась. Мать ушедшая капусты пару бочонков засолила. Работяги в цех горячий устроились, отливки чугунные для электричек и прочих поездов делают. Благо кое-какой опыт прежний был. А чего не знают, так обучатся. Не боги тоже поезда строят! Идёт время, природа своё берёт. Нашли баб по себе мужики. Жмых дом по сосед-

ству поднял. О чём дурном думать и времени нет. С работы домой, там огород, курятник починить надо, насос, что воду с речки на грядки гонит, поправить. Всё! Ночь! А в выходные по дому чего, или на рынок с дарами природы. Старенькую «Газель» на двоих приобрели. И по ребёнку уже у каждого. Жёны на том же заводе работают. Совсем другая жизнь пошла. Даже в голову мужикам стала мысль время от времени глупая проникать, мол, за каким хером столько лет даром на «хозяина» работали? Если бы на себя, сейчас бы вона куда дотанцевали бы? Да, что тут поделаешь? Жизнь прожить – не поле перейти. Бывает, что и заблудишься в трёх соснах! Как поётся в старой еврейской песне, так бы жизнь бы шла, и шла и шла. Дети подрастали. Скоро им в школу идти. Летит время! Вот осенью как-то решили друзья на рыбалку сходить. Места они знали. Давно присмотрели на Оке омут, где клевало всегда хорошо. Сели в свою машину и отправились. К реке под вечер подъехали, у костра за ухой посидеть, верши с вечера поставить, донки оборудовать. Ну, рыбаки! Понимают в этом деле. Уху для начала из тушёнки сварганили. С макаронами. Ох и хороша! Да, под водочку. Отдыхают, все дела свои скорбные переделав, слышат, кричит кто-то. И кричит заполошно! Спасите, помогите, дети, дети тонут. Подбежали к берега урезу, он тут с обрывом был, видят – машина медленно по реке плывёт, фарами светит, ясно, минут несколько и бултых. К водяному, да русалкам. Окошки открыты и видно, дети малые в машине, а за рулём мать их

что ли? Она и орёт. Не стали думать, да раздумывать мужики, как были в одежде и сапогах резиновых, так и в реку с бережка того прыгнули. До машины метров всего несколько, да осень, да одежда мокрая. Не вынырнул Макуха! А Жмых до машины доплыл, через окно троих ребятишек выдернул, в охапку их руками обхватил, сам на спину лёг и к берегу. Ногами гребёт, руками малых держит. Глядь, баба из машины выбралась, тоже за него зацепилась. Чуть не потонул, благо берег рядом был. Сложил детей, сам рядом лёг. Глядит – нет дружбана. А вместе в воду прыгали. Он к берегу – нет на реке ничего и никого. Машина та ко дну пошла. Страшно выматерился Жмых, сложил спасённых в «Газель», в больницу городскую на скорости погнал. Занес детей с матерью в Приёмный покой, сложил на диван, а сам чует. Всё! Завод кончился! Боль в груди давящая, острая как пика в боку. Ни вдохнуть нельзя, ни выдохнуть. Такая боль пришла, не смог на ногах устоять. Только люди окружающие и увидели. Стоял мужчина в одежде мокрой посередине залы, а потом вдруг упал на пол, грудь и горло ногтями царапая. Всё! Не стало и Жмыха! Дорога широкая, ровная плоско в небесах разлеглась. Конца и краю ей нет. Идут по ней люди то по одному, то группами, а среди них и Макуха со Жмыхом идут. Ясно им, что умерли, но внешне, как были одеты, так и есть. Только влага из одежды мокрой испарилась. Тепло и удобно всё. Никто не сообщал покойным ничего, и так ясно. К Вратам идут, так называемым, Воротам Райским. Там канцеля-

рия небесная располагается, там и все решения по грешникам принимаются. А праведников истинных на Земле нашей найти, так это мутное дело, практически, невозможное! Если только кто умрёт не родившись, так сказать, родится истинным мёртворождённым. Тогда – да! Только родился, сразу и грешить в жизни своей начинаешь. Но, это – к слову пришлось! На душе очень даже паскудно у бродяг. На Земле далёкой, семьи остались. Только только жизнь наладилась, такое нелепое происшествие. Да ведь не исправишь. Молчат. Кряхтят только. А тут и забор, вот она, пограничная Зона. Стол перед ними с компьютером, мужичок средних лет сидит. Глянул на них, потом на экран и говорит: Здравствуйте. Имя моё Иегудиил. Я буду вести процесс по вашему местному делу. Поскольку судьбы у вас схожие, и погибли вы почти вместе, то и разбираться в них я буду в обоих случаях, как будто в одном. Понятно? Не очень, – говорит Макуха! Чего тут разбираться? Сам знаю – грешен. Мне и другу моему в Рай не попасть никоим образом. Так что давай, начальник, вызывай конвой и в Ад! Только срок определи. Я, в натуре, не думаю, что мы на пожизненное тянем! А Жмых сказал: Правильно! Однако ангел, а это был именно он, предложил им присесть, достал серебряный портсигар с монограммой и угостил «Беломором». Закурили. Не надо спешить, – посоветовал чиновник. Времени хватит. У вас ещё вся вечность впереди. А я вам тут анкету приготовил. Курите и отвечайте. Как у вас с заповедью «Не убий»? И полу-

чил ответ отрицательный. Чего не было, того не было, а чужое на себя брать мужики и в Зоне настоящей бы не стали! С «Не укради» пришлось согласиться. Было дело. И не единожды. Насчёт «Не сотвори прелюбы» сначала не поняли, после смеялись долго. На воле не успели, в зоне до «петушатины» они не охотники, а баб там и вовсе не было. Только и грешили со своими жёнами дома. Если грех это считается. Не считается, – сразу их ангел успокоил. Ибо, сказал Господь: плодитесь и размножайтесь. И по остальным Заповедям прошлись, нет, не были, не состояли, не принимали, и не проживали. Как в анкете советской! Ангел им ещё по папиресе предложил и говорит. Дело ваше на Высшем Совете обсуждалось. Вы, конечно, грешники закоренелые. Но! Жизни отдали даже не за други своя, за людей вам вовсе не ведомых. И поступок этот всё искупает. Очищены вы оба от скверны и идти можете вольно. Нет вам Ада. Но и в Рай вас принять – грешников нераскаившихся – никак нельзя. Решение было принято такое. Вас, до рассмотрения лично, Самим, – при этом он указал куда то вверх, – поместить в условия давно знакомые, но, отнюдь, не райские. Правда, адскими их тоже не назовёшь. И тут же очутились оба в одной камере двухместной, точной копии камер обыкновенных земных следственных изоляторов. Только не переполненной «Бутырки», а «Лефортово». Гостиничный номер закрытого типа на двух постояльцев. Или сидельцев. Как кому нравится! Обстановка вокруг привычная, на нарах с «маш-

ками», видом на «телевизор» и парашу находиться – дело житейское! Вот сколько-то времени проходит, стук ключами в «кормушку» и слова: На выход, с вещами! Пошли. Какие у них, покойников, вещи могут быть? Шутить изволил пупкарь местный! По коридорам, на «сборку», а там и кабинет начальника. Сам ДПНСИ, дежурный помощник начальника следственного изолятора в чине капитана, к ним обращается. На ваше имя пакет получен. Мне приказано вскрыть и зачитать. Достает послание в конверте серой бумаги, всё печатями сургучными обклеенное, и читает: Высшим Советом Небес в присутствии Коллегии Ада и вашего представителя, ангела Иегудиила, дело рассмотрено и принято следующее решение. Исследовав доказательства по делу, аргументы и контраргументы, а также все привнесённые обстоятельства повелеваем: Фигурантов дела, Жмыха и Макуху, от отбывания срока в пределах Ада освободить. Учитывая персонификацию и наличие значительного количества грехов, пребывания в пределах Рая не допустить. Учитывая ходатайство Сил вышестоящих, вернуть на Землю, в целях доживания оставшегося им по Книге Судеб срока, без какого-либо учёта происшествия (смерти). Приговор привести в исполнение немедленно. Пересмотру и апелляции не подлежит! С подлинным верно. Подпись: Архангел Гавриил! Сего дня, месяца и года. Подошёл к узникам ДПНСИ, развернул в сторону двери, да коленкой легонько поддал. И лежат на берегу реки Оки мокрые до нитки Макуха, Жмых и мать спасённая с тре-

мя малыши. А там в машину, да в больничку. И – по домам! Даже жёнам решили про это дело не рассказывать. К чему людей волновать попусту? Выплыли, и Слава Богу. Только рыбки так и не наловили!

Короткие рассказы об очень простой вещи!

Ах! Какой это был фонарик! Не плоский и зелёный, что продаются в наших магазинах. Нет! Исполненный в виде трубочки с расширяющейся головной частью, матово металлический и с обрамлениями кремового цвета пластмассы. Редкое заграничное чудо, которое сегодня стало моим. Ровно час назад я выменял фонарик у соседского парня с Чистаков на макет большегрузной баржи. Прочный деревянный корпус, окрашенный в шаровой цвет и две красные полосы, нарисованные клюзы якорей, надстройки с капитанской рубкой. Был он хорош. Честно говоря, все наши ребята с Лубянского проезда почти каждый день посещали через приоткрытые ворота Политехнический музей. Может кто не знает, но кроме него там было Общество по распространению знаний, типография, даже Управление Северного Морского пути и ещё чертова уйма различных контор. Но дело не в этом. Где то, то ли в музее, то ли в Севморфлоте, была мастерская, и делали там макеты машин, механизмов и кораблей. Много выбрасывали на помойку во дворе. Там всегда и материалы редкие были, типа свинца, досок, реек, да мало ли что могло пригодится в мальчишеском хозяйстве? Там и нашёл я выброшенную модель баржи. А я как раз прочитал рассказ

О том, что пионер написал письмо, положил в модель кораблика и отпустил по водам и рекам. Решено! Сделаю также! Вот положить внутрь мне было нечего. Семья моя не была бедной. Она была нищая. Мать категорически не хотела работать на эту власть. Предпочитала чего-то там покупать, продавать, но по такой мелочи, в мелкоскоп не различишь. Вот и положить в плавучую посылку мне было решительно нечего. А тут случай подвернулся. Паренёк один махнулся со мной не глядя. Я поставил игрушечный корабель, он тот самый фонарик, от которого я просто обалдел. Ну, не делали в стране Советов таких вещей! До сих пор не понимаю почему? Принёс я его в комнату нашу одиннадцатиметровую, развернул и только вздохнул тяжело. Уже имелись в продаже китайские фонари трубкой, были и батареи к ним, но огромные. А тут есть место для одной всего батарейки, тонкой как палец и в наших магазинах не встречающейся. В фильме «Серёжа» продавец в магазине, отпуская новый велосипед, говорит: Вы будете иметь вещь! И я имел вещь. Только была она, – как говорила моя бабушка, – не от той стенки гвоздь. В нашем социалистическом общежитии пользоваться её преимуществами я не представлялось возможным!

Она сидела передо мной на стуле, как существо, прибывшее из другого, волшебного мира. Очень чёрные вьющиеся волосы, темно-синие глаза, чуть смуглая матовая кожа. Простое ситцевое платье, белое с красными цветами, облегало

фигуру и смотрелось на ней, как на английской королеве шикарный бальный туалет. То ли Белоснежка среди моих гномов, а может б русская Василиса Прекрасная. Даже походка отличала эту девушку от всех остальных. Она не шла, летела. Асоль! Вот кто мог бы идти по берегу вечернего моря навстречу бригу с алыми парусами. В Москве не мало красивых девушек. У нас, в медицинском училище, а потом и на ист. факе преобладал женский пол. Было на что посмотреть и кому себя показать. А вот её я сравнить не мог. Посмотришь и поймёшь – это она, та, за которой ты бы охотно пошёл на что угодно, тянуло дарить цветы, встречать рассветы и погибать от неразделённой любви. Если Эвридика хоть немного напоминала сидевшую передо мной, то я отлично понимаю Орфея. Можно и в Преисподнюю. А что делать? Сила любви легко и охотно ломит несозревшие и незакалённые в искусствах души! Итак! Как сказал бы опер Машков, картина маслом! Кабинет заместителя начальника Уголовного розыска 7 отделения милиции. Шесть офицеров милиции, оперов уголовного розыска, и она. Лимитчица-ткачиха с ткацкой фабрики «Красная Роза», наградившая моих сотрудников, ровно тремя окружностями каждого! И что можно сказать, кроме простой фразы: Помилуй нас, Господи, спаси и охрани! Всё-таки супружеская верность, как и применение кондома – вещь!

Я сидел на стуле в маленькой "лак.рум.» На втором

этаже кинотеатра, имевшего тринадцать кинозалов, рядом с огромной аппаратной скромно укрылось маленькое помещение, в котором мы, работники по обслуживанию данного предприятия шоу-бизнеса, переодевались, хранили вещи и один раз за рабочий день могли тридцать минут посидеть и съесть свой ланч. Вы не ослышались. Именно столько имел я на отдых, остальное время проводил на ногах. Учитывая мой английский, претендовать на работу хотя бы по специальности – учителем, или медицинской сестрой, я не мог. А по третьей специальности – опером уголовного розыска – не вышел я мордой, то-есть, не имел гражданства США, без которого на госслужбу не брали. И, опять же, английский! Я везде и всегда французский учил, а до штата Луизиана, где, по-слухам, некоторые понимают по-французски, как до канадской границы раком! Рабочий день мой был от 12 до 16 часов, я почитал это за праздник. Отсутствие квалификации приходилось навёрстывать количеством затрачиваемого на заработки времени. Да и добился я такого фавора, потому что один пахал за трёх молодых негритят или латиносов. А было мне почти 50 лет. Один из чёрных парней, посмотрев на то, сколько и как я работаю, только спросил о возрасте моём, а затем сообщил, не протяну я долго. Старость мне тянуть не позволит. На что я ему на чистом аглицком поведал, христианин он плохой, а мне ништо, Господ выведет верных своих! От чего этот мусульманин совершенно и вполне обалдел! Все три члена нашей семьи пахали как

проклятые. Жена работала в «Макдональдсе», мыла посуду, убиралась, жарила френчфрайз. Сынуля малярил на местного грека учеником маляра и посещал колледж в течение года, где за наши семейные денежки один семестр учил английский как язык иностранный, а семестр английский как родной. Приехав в конце октября 1991 года, мы, поскольку я сдал на английском на права, уже к июню следующего года купили нашу первую американскую машину стэйшен-вагон «Додж», оказавшуюся редкой сволочью и чуть меня не угробившую. Отказали на крутом спуске тормоза! Но у меня расширились возможности. Я смог работать по субботам и воскресеньям. В эти дни автобусы не ходят, а мне приходилось в течение часа добираться до работы с пересадкой. Кстати, в конце этого же года мы купили новенький «Додж», переехали в благопристойное место на тихой улице из того бедлама, где жили до этого, а в 1993 году купили наш первый собственный дом. А ещё первая машина, не смотря на её сволочной характер, позволяла не ходить за продуктами пешком, таща на обратном пути в гору пару сумок у каждого, и так километра на три удовольствия! Однако, вернёмся в год 1992. Достав из шкафчика сумку с бутербродом и банкой колы я присел на стул, достал бутерброд, развернул и уже почти приступил к поглощению. Не тут- то было! Мне что-то явственно мешало. А было это «мешало» молодым чёрным парнем лет восемнадцати, который просто смотрел на мой бутерброд, глотал слюну и подёргивался на месте. С едой в Америке на-

пряжёнки нет. У меня между двух кусков хлеба лежала ветчина, сыр и листик салата. Я показал на сэндвич пальцем и спросил, хочет ли он половину. Ответ был скорый и положительный. Разломив, я дал ему ожидаемое, мгновенно исчезнувшее в широком рту дитяти. Знал я этого парня хорошо. Был он сыном директора школы в Сильвер-Спринге. Работал не пришей, сами знаете к чему или куда рукав. Типичный угнетённый афроамерикэн. Ростом под два метра и кулаками размером с мою голову. А я уже один раз с ним перехлестнулся, объясняясь, правда, по другому поводу. Как то стоял я с метёлкой в фойе, а он подошёл и говорит, мол, быстро иди убирать зал, а я ноль внимания. Он спросил, вижу ли направление, куда следует идти, а я отвернул голову и сказал, что не вижу. Обычная детская толковина. То что паренёк этот никоим образом не менеджер, распорядиться мной не может, в его кудрявую голову и придти не могло. Руки у него всегда были противные, мокрые какие то, я здороваться с ним не мог, хотя и не привык угнетать и обижать обиженку! А тут огромная ручища протянулась к моему лицу, в надежде развернуть меня взглядом по направлению, им объясняемому. И как же он удивился мгновенно получив ребром ладони по бицепсу, а мыском ноги в колено. Не сильно, но больно! И знаете, понял. Отошёл и не грешил. Так вот он и сожрал половину моего бутерброда! И стал так делать каждый день, придёт и сопит, я отстёгивал, только стал делать два сэндвича. Не могу я в еде отказать страждущему.

Потом попросил он у меня доллар, затем ещё и ещё и ещё. Я, конечно, дал. Говорил, мол, на автобусе доехать домой не на что, потом, когда мы задержались на работе, попросил подкинуть его домой. По пути, – говорит, – едем, помоги! И я повёз. А затем он опять насчёт подвези. Тут я восстал. Давай пять долларов, говорю, плюс все занятые. Шесть секунд! Ты мани, я тебя драйвлю, везу, то-есть! Как ему не понравилось. И за бутербоды плати, – говорю. Каждый – десять долларов. Как отрезало! Понял, пацан чёрный суть жизни и вскоре уволился. Он и работал, поскольку на машину папе обещал помочь собрать. На свою, разумеется. Говорят, на плантациях не было хуже надсмотрщиков, чем чёрные вольноотпущенники. Как вам простые вещи, о которых я здесь поведал?

К слову пришлось!

Попытался я как-то найти рифму на простое английское слово Саутгемптон и не смог. А ведь у Редьярда Киплинга именно оттуда в далёкую Бразилию уходили пароходы «Дон» и «Магдалина». Что бы пассажиры могли увидеться с ягуарами и армадиллами. До старости своей! Я вообще очень люблю Киплинга. Знал его книги с детства, когда подарили мне чуть ли не академическое издание «Книги джунглей» с роскошными гравюрными иллюстрациями кремового цвета. Да и «Рикки Тикки Тави» превосходен. А кто был переводчиком выдающегося англичанина, я так и не знаю. Кто перевёл классику поэм «Запад и Восток» и «Баллада о Патер-Ностере»? Вы, все читали произведения Вильяма Шекспира, всегда находящиеся на слуху. Обычно, упоминают три произведения. «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Король Лир». Реже тех, кто их перевёл на человеческий язык. Пастернак, Книппер-Чехова, ещё несколько. Я прочитал те же произведения Шекспира на английском. Сказать, что я был поражён, это значит не сказать ничего. Никакого отношения к моему осмыслению классика после ознакомления не произошло. Вообще, ощущение, что это литература, да ещё и классическая, быстренько меня покинуло. Сухие, короткие, местами рубленые фразы. Бедность языка. Чёрствость чувств. Я прекрасно понимаю, моего английского для постижения

всей прелести книг бывшего обитателя Стратфорда на Эване явно не хватает. Но что бы настолько? Роберта Бернса на английском читать тоже совершенно нет возможности. Откуда Маршак брал всё то, о чём писалось ему, не скажу. Не знаю. «Так весело отчаянно шёл к виселице он. В последний час, в последний пляс пустился Макферсон». А «Джон-Ячменное зерно», баллада о вересковом мёде? А «Баллада о Редигтонской тюрьме» Оскара Уайльда? По-английски, читается убогий перевод великолепных стихов Маршака на язык, чуждый ему по стилю и к стихам совершенно не адаптируемый! То же с Блейком, Байроном, Мильтоном и Марло! И куда мы денем переводы стихотворения «Ворон» Эдгара По? Всех и перечислять не буду. Так что для меня является глубокой тайной, кто, собственно говоря, писал великие произведения – россияне, или их славные английские оригинальные авторы? А, может, для нас, русичей, хороши наши переводы, а для англо- и саксов оригиналы? Это как отзыв Пушкина о переводе Гнедичем «Одиссеи». «Крив был Гнедич-пиит. Кривоватый, боком одним, вышел его перевод.» И тут же, и то же, его же: «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи. Старца великого тень чую смущённой душой.» И чему прикажете верить? Да! Я тут Булгакова перечитал. Не всего, только «Мастер и Маргарита». И, опять же, не всё произведение. Не смог, хотя бегло читаю на английском. Простите, милостивые государи и государыни. Это не Булгаков. И даже рядом на полке книжной не сто-

яло. Не соотношу, и ничего не могу с собой поделать!

Сон мне-жёлтые огни...

Расклад дела был предельно ясен. Особенно, когда ты идёшь по узкой тропиночке, что проложена населением от автобусной обстановки на Яузе, до улочки, расположенной круто вверх, а навстречу тебе спускаются трое, всем своим видом показывающие, видели они тебя в гробу. В белых индийских тапочках. Что стали в последнее время продаваться в обувных магазинах с сопроводилкой на чистом английском. «Фор кул футс!» Разваливались они мгновенно, но и стоили очень дёшево. Так что покупали! Для дома, для семьи, там, если в гости кто придёт. Вещь нужная! А троица стала выражать свои намерения. Типа: «Как ****ну по организму» и «Крути педали, пока ****ы не дали». Последнее, вещь нужная, но зачем из вторых, может, и не совсем чистых рук? Не, мы сами в этом плане не сплхуеем. Тем более, шёл я к девчонке своей, которая не обделяла меня своим душевным и телесным благорасположением. Совсем даже наоборот. Поощряла поползновения, как могла, как умела и хотела. Встреча на тропинке стала неизбежной. Мне надо-либо линять мгновенно, либо-встречать внешние признаки полного неодобрения моего появления в данной Лефортовской местности. Подошли. Дорогу загородили. Рост, примерно, мой, да и возраст тоже. Лет 16—17 пацанам. К кому, – говорят, идёшь? К старушке одной знакомой, – отвечаю. Просила

через дорогу её перевести! А-то старая всё больше на красный сигнал перебирается. Это нормально для визита? Остряк, – слышу. И начали в в стороны, по бокам от меня, двое крайних расходиться. А мне это без надобности. Тут как в бою. Кто первым причинит существенный урон, тот и прав! А неправые – в «Склифе!» Для меня конечный вопрос русской интеллигенции, я имею ввиду «Что делать?», давно решён. Как и для Буратино, к примеру. Тот только увидел сыщиков-доберманов, сразу скомандовал «Артемон! Снимай часы, будем драться!» Наш человек. Никогда никому Некто яблоко своё не отдаст! Только мне снимать часы, значит врагов предупреждать. Сейчас, мол, махалово начнётся. Черт с ними, с часами. Не первый раз циферблат сношу. До основанья, а затем... Чиню, естественно! Как-то я тут весь подобрался, челюсть в плечо убрал, коленочку согнул для первого удара, да и проснулся. Слава Богу! Нет никакой драки впереди. Дела давно минувших дней, и где-то даже, преданья. А я стоя придремал на секунду в кубрике эскадренного миноносца «Отзывчивый», где был поставлен дневалить. Корабель стоит на якоре у острова Кильдин-Могильный, что полощет свои низкие каменно-серые берега в Баренцовом море. Завтра идти к чёртовой матери. За Новую землю, к льдам и штормам. Обычные матросские дела. А так живо всё было! Сейчас бы на часок к подруге той попасть! Нет? Да, куда там! Расплевались мы с ней по полной. И муж у неё есть. Мужик сурьёзный, поваром работает. А мне до от-

пуска, как от Кильдина до Франца-Иосифа. На карачках! Тут и смена встала. Пойду спать. Может ещё чего интересное приснится! Адъё!

На кладбище

В жаркую летнюю ночь, через заброшенное деревенское кладбище шла молодая городская дурочка. Ну, на самом деле в отношении её АЙКЬЮ я не могу сказать ничего. Не проверял, не состоял и, даже, близко не стоял. Многие тут бы добавили, мол, за ноги не держал, вариант, свечку не держал, но, я с негодование такую пошлость отмечаю. Не знаю, и всё! Вы можете спросить, а почему тогда дурочка? А я отвечу. Разумные девки и бабы в этот суровый час напившись тёплого молочка спят в кроватках своих и сны про вещи всякие приятные видят. Это с каким-таким интеллектом надо быть, что бы среди ночи по старым кладбищам шастать? Идёт она себе, идёт, вдруг, слышит. Грызут что-то! Только тут в её городскую, обременённую образованием, но лишённую проблесков разума голову, стали приходиться разные тяжёлые мысли. Грызут, вроде чего-то. А может кого-то? А что будет, если не наедаться? Ну, не хватит пищи на всех грызущих. Или, вообще, проглоты они там. Что ни дай, всё мало? А впереди тёмной стеной церковь старая разрушенная. Кладбище тоже древнее, но тропинки между могил натоптаны, идти можно. А у неё внизу живота мысль только одна курсирует, надо ли далее забираться? Холодок от мысли этой явственно по середине тела от живота к диафрагме поднимается. Вот-вот всеобщий колотун начнётся. С пробиранием

до костей и впадением в спасительный обморок. Птица среди кустов могильных дурным голосом закричала. С недалёкого пруда кряхтение раздаётся. Могилы крестами качают, тропинка в свете луны мёртвыми отблесками моргает. С реки холодком сырым несёт, и ветер разыгрался не на шутку. Воеет и воеет. Эдак, в фильмах американских демонов моря изображают. К чему, думает, я про чёртовы фильмы вспомнила. Там зомби людей едят, мёртвые полицейские среди живых орудуют. Один, с бензопилой «Дружба», и другой, с длинными острыми ногтями, да маской хоккейной, что сердца ел, тоже оттуда. А в голове все мысли пропали. Куда -то в средостение завалились, сидят там и не чирикают. Словно боятся, что их заметят и выследят. Глядь, жуть, впереди от могилы отделилась фигура белая. Не идёт, прямо плывёт ей навстречу. И – тишина! Закричать хочется, боязно. Вдруг вместо помощи оглоеды могильные налетят? Чёрт его знает, кто в таких местах водится. Кикиморы есть, упыри, вурдалаки и прочие кровососущие мертвяки, не ходи к гадалочке. Разбойники ещё по кладбищам прятались, убийцы и насильники. С последними, чёрт с ними гадами, потерпим, расслабимся, переносимо вполне, а остальной контингент? Которые в чисто гастрономических целях? Этим чего предлагать? Их секс не очень интересует. Разве что в стиле некоего любителя мёртвых абсолютно женщин, французского сержанта-некрофила. Помнится, его Бертраном звали. Вот, чёрт, и о чём я тут перед своей смертью неминующей,

жуткой думаю. Образованщина поганая. Лучше бы карате учила. Сейчас бы с криком кия и ударом ноги, яйца убийцы стекли в сапоги. Горожанка даже приободрилась, представив себе эту картину. Между тем фигура в белом была уже почти рядом. Кристин! Ты что ли? – услышала женщина, и последние силы оставили её. Перед ней стоял сослуживец по НИИ Архитектуры, такой же сотрудник Четвёртого Главного Управления Моспроекта, что и она. Артём и его товарищи разрабатывали здесь проект реконструкции культового здания. А я, – сказал Артём, – слышу, идет кто, дай, думаю, встречу. Тут со светом не лады, – продолжал мужчина. Мы тебя ждали, ждали, все жданки съели. Иди за мной, мужики тебе рады будут, Меркурий, ты наш! Запасливый! И архитекторы, и работяги приветствуют тебя, о посланница богини торговли Винно-водочной Гастрономии! Аминь! Привезла? Да, привезла, привезла, – ответила женщина. На, помогай нести. Здесь четыре бутылки водки и покушать. Жены передали. Веди, Вергилий своего Данте! К Алигьери!

ТАК БЫ И УБИЛА!

Сидели, совсем по Высоцкому, пили вразной. Мадеры и Старки, правда, не было. Да и «Зверобоем» мы не озаботились. Шли суровые восьмидесятые. Самое их начало. Пить такие вещи, как «Зубровка», «Охотничья» или «Старка» можно было только с риском для жизни. Чего в них клали руководители винно-водочного производства, я не знаю. Но, откинуться, приняв стакан, другой этой отравы, можно было шутя, быстро и безболезненно. Вот только что ты пил, жизни радовался, заедал чем-то, а вот, пара часов прошла, и опер описывает место происшествия. Диагноз патологоанатома будет простой и не сулящий никаких проблем всем изготовителям отравы. Острая алкогольная интоксикация на фоне ослабления сердечной деятельности. Сам виноват. Допился! А что человек от принятия продукта почернел, не наше дело. Мы академиев различных художественных не заканчивали, к проблеме Черного квадрата некоего Малевича, относимся индифферентно! Почернел, значит так от природы положено. Перед смертью человек краснеет, бледнеет, зеленеет, этот вот почернел. Бывает! Так что пили мы десертное, «Ахашени», предварительно пустив по кругу и рюмкам бутылку охлаждённой «Лимонной». Водка эта хоть в горло шла, и разговоров, что после неё дуба дают не было. Компания у нас небольшая. Собрались после рабо-

ты учителя, повод какой-то был. Зашли в кабинет домоводства после уроков, ближе к вечеру, благо там посуда присутствует и решили не помню чего отметить. Учителя – тоже люди. Надо и им иногда расслабиться. Хорошо, ежели ты про одежду старого Пифагора, да как гипотенуза с двумя катетами управляется, рассказываешь, или о Рио с де Жанейро. А, вот если тебе историю преподавать, теорию государства и права, обществоведение – тут иное дело. За день так наболтаешься, столько лапши на уши детям повесишь, на такие вопросы детские ответы измыслишь, что иногда расслабиться было досугом совсем не лишним! Где-то, похоже, и совершенно необходимым. Русское застолье – дело известное. Сначала веселье, но не долго. Потом песни хоровые, тоже коротко, затем постоянный разговор про работу. Коллектив наш школьный, по устоявшейся традиции, в основном, женский. Мужья, дети, хозяйство. А тут вырвались. Как о своём женском, наболевшем не поболтать? Нас, мужиков, трое всего. Физрук, математик, да я – историк. Дам же при нас человек десять. Кто танцевать желает и хочет, кто про жизнь разговоры разговаривает, самые умные те, кто советует, пока магазин «Вино» открыт, за «Ахашени» кого послать! Физрук школьный у нас мужчина активный, притащил со скоростью Маленького Мука! Математик на пианино, здесь же расположенном, про милого и Париж наяривает, а я человек без громких талантов. Применения пока нет! Кто танцует, кто болтает. Одно слово – посиделки женские. А меня одна дама

к своему разговору пристраивает. Про мужа скучные вредные разности рассказывает. И такой, и сякой. А потом заявляет – так бы и убила! Сижу, слушаю, на грудь я тоже принял, но скучно пока. Взял да и говорю ей, слушай, а как ты б убила, если бы могла? Ну, чисто в теории! Приняли мы ещё вина, разговор наш продолжили. Очень просто, – говорит. Сидит мужик мой в ванне, я захожу, да по башке ему вот такой самой бутылкой. Он – бульк на дно. И всё! Слушай сюда. Это уже я. Ванны наши маленькие, а в твоём, примерно, метр восемьдесят. Так что сидит он до половины из воды высухнувшись. При таком раскладе никакой бульк не пройдёт. Да и голова, во-первых, штука достаточно крепкая, может и шишки твоей для смертельного удара не хватить, во-вторых, голова – купол. Очень даже возможно, соскользнёт бутылка, только кожу рассечёшь. Да и как бить? Ванна маленькая, плюс палка для занавески. Плюс – шкафчик какой-никакой. Потолок низкий, замахнуться как следует сложно. Я бы твою попытку оценил процентов в двадцать. А вот если он захочет тебя утопить в ванне, стопроцентный успех. Это как же так? – говорит учительница. Я физику преподаю, кое-чего рассчитать могу. Если меня топить, я орать и царапаться буду, из ванны вылечу со скоростью просто невероятной. Так и быть, открою тебе секрет успешного утопления женщины в ванне. Вот ты голову помыла, лежишь, разнежилась вся, муж твоими прелестями играет. Сумасшедшее дело. У тебя из пены мыльной только ступни на стенке, да голова на бор-

тике. Берёт внезапно твой муж тебя за ступни и резко дергает вверх. Голова под воду уходит, а ты делаешь рефлекторный вдох! Всё! Утонутье полное, ни одна экспертиза ничего не докажет. Потеряла сознание от неизвестно чего, а там и утопла. Всё по науке. Не то что в случае битья мужика по голове. В любой ситуации одной кровинки будет, замучаешься объяснять. Да и куда ты труп денешь? Или у тебя пара канистр есть с серной кислотой? Так ты не химик, откуда? Смотрю, подтягиваться начали учительши наши к беседе. Физрук с одной разведёнкой исчез. Думаю, чистоту матов в спортзале школьном проверяет. Пианист в раздумье тяжёлое впал, поскольку звуки из инструмента извлекает такие – Адольф Шнитке тихо рыдает от зависти! Я уже не раз замечал, сочетание десертного или сухого вина с водкой, у мужских неустойчивых натур конечно, вызывает приступы чёрной меланхолии. Одна из учительниц говорит, а если ножом его стукнуть? Ну, и мысли у дамочек наших! Вот оно пагубное влияние алкоголя на быстрое растление учительниц общества. Да мне то всё равно! Куда будем ножиком тыкать? – спрашиваю. А вот сюда, в самую грудь, – отвечает одна, показывая в область пояса. Девочки, – говорю. По хозяйству с ножом вы точно встречались и обращаться умеете. Но ножевой удар живого человека совсем из области иной. Вот ты говоришь – в грудь. А ведь это живой панцирь, мышцы груди в сочетании с рёбрами ещё преодолеть нужно. А там, куда ты показала, мужики носят ремень. Не пройдёт нож.

Да и силы в руке не хватит на приличный удар. Так! Пощарапаешь только! А если в шею будешь бить, скорее всего в крупную артерию попадёшь, в крови умоешься. И чего тогда делать? Как отмываться? Вот мужику полегче твою смерть от ножа оформить. Разлил чего на пол, типа шампуня, в руку жене нож вложил, да и уронил вперёд. Прямо на лезвие. Или об угол чугунной раковины затылком приложил, опять же при скольжении по полу. Так что, девочки, не надо вам от жизни, пусть и с отдельными неприятностями, к жизни в «зоне» переходить. Не нравится мужик – разведись, и все дела. «Оно надёжней, да оно и тише», – как Высоцкий пел. И ещё! Не дай вам Бог убитого человека видеть. Повешенные мужики – это же жуткое зрелище. Язык висит наружу. Личико синее. Достоинство мужское находится в самом рабочем состоянии, и с конца капает. А, иногда, и с противоположной стороны чего-нито на пол падает! Нет! Всё же повесившиеся бабы лучше выглядят! Если выше не смотреть, снизу картина самая обычная. Копилка – она копилка и есть, как её ни вешай! А ежели хочешь мужика и вправду повесить, то затевай игру с ним. Ролевою. Он у индийской жрицы в плену. Та его к столбу привязала, догола раздела, сейчас душить будет. Для столба ритуального можно дырки провертеть рядом с филёнкой дверной, которая между двух комнат, ремни продёрнуть. А жрица, тем временем, в азарт и чувственность мужика ввергает. Для чего ремнём шею ему стискивает. Сама абсолютно нагая, и по виду порнуха кру-

тится! У него все признаки желания на лицо, вернее, ниже гораздо, а ты сзади зашла и ремень резко натягиваешь, одновременно супругу рукой помогая. Две минуты – и ты вдова! Конец ремня в мёртвую руку, а ты оделась быстренько, пошла вроде как по делам. Можно в магазин. Возвращаешься, дома разврат со смертоубийством. Ты бегом к соседям. Вот, хотела к маме уехать до вечера, да деньги забыла. Вернулась, тут такое! Те пришли, ура, вот и нужные милиции свидетели! Чисто, шито и крыто! В продолжение! Хуже всего трупы выглядят, если их из-под электрички метро достали. Или расчленёнка какая была, зимой пару дней под батареей парового отопления полежали. Можно ещё на экскурсию в морг сходить. Очень мыслям о бренности всего земного помогает. Всё! Как-то сразу не выдерживает моя собеседница. Девы остальные, присоединившиеся к нашей беседе, так же внезапно приутихли. Ладно, – бодро говорю, девочки. Скооль! По последней, пора расходиться. Но потреблять спиртное желающих не находится. Очень быстро учительницы разбредаются по домам, а мы с математиком допиваем последнюю бутылку, и я веду его до остановки 46 автобуса. И о чём только женщины в своём тесном кругу ни разговаривают? Когда мужчин поблизости нет!

Новая история Айболита

В давние, стародавние времена в городе Ливерпуле жили-были брат и сестра. Как и положено по законам жанра, брат был учёный, совершенно не приспособленный к жизни человек. Эдакий рассеянный, с улицы Бейкер-стрит. Окончив в своё время лечебный факультет старинного Эдинбургского университета, брат, получивший, кстати, степень «доктора гонорис кауза и медицины», никаким авторитетом среди больных и здоровых не пользовался. В силу чего его клиентура состояла из пострадавших домашних животных. Вот почему, хотя над его домиком и развивался белый флаг с красным крестом, гораздо вернее было бы изменить цвет символа на синий. Что означало ветеринарный окрас данного доктора! Звали этого умельца своего жанра «Айболит», настоящее его имя было утрачено. С сестрой же докторской всё было совершенно наоборот. Энергичная умная женщина вела домашнее хозяйство, выбивала долги с клиентов (я имею в виду хозяев больных зверюшек), ходила за покупками, стряпала, растила фрукты-ягоды, убиралась. Поскольку при доме было несколько вольер для больных, ей приходилось поддерживать чистоту и там. При такой дикой жизни, озвереть, как два пальца случайно обмочить. Борьба за существование ожесточила сердце бывшей когда-то кроткой женщины. Теперь это была особа, способная ради блага семьи

на любые, пусть даже самые крутые, поступки, ибо, хорошо знала. Мужик в семье – она. И никаких надежд на помощь со стороны братика, которого сестрёнка продолжала нежно любить. Однако, в самой глубине её сердца таилась ещё одна страшная тайна, которую сестра, назовём её имя, Варвара, никому, никогда и ни при каких, пусть самых жутких обстоятельствах, не открыла бы. Там жила любовь! В соседнем доме проживал юноша, названный в честь города, где он родился. Молодой Ливерпуль стал моряком, затем капитаном и постоянно пропадал в далёких морях и океанах. А бедная Варвара, дружившая с ним с самого детства, ждала удобного часа, что бы открыть своё пылкое девичье сердце возлюбленному. Дела шли ни шатко, ни валко, однако, на еду для людей и корм для питомцев хватало. Оставались деньги и на воскресный сливовый пудинг семье, всяческую требуху и бананы зверью. Вы, возможно, удивитесь составу корма для нелюдей? Поясню! Состав питомцев, условно, можно было разделить на переменный и постоянный. Тех, кого забирали обратно – переменный, остальные звери – постоянный. Правда, вот только что мелькнула у меня мысль, а куда, собственно говоря, придётся нам определять животных и рыб, служивших не пациентами, а едой? Всяких там кур, сазанов и кроликов? А вот не скажу, хотя своё мнение и имею. (Да, резать и есть их сразу, не дожидаясь перитонита!) На постоянной основе в доме проживала собака Ав-ва, обезьяна Чи-чи-чи, ослик Тамбурин и выползень альбинос Альфред. Этот

контингент сформировался постепенно, под звуки докторского голоса: Ну, не гнать же болезных на улицу, в холод и голод? Некоторых животных сдавшие их на время выздоровления хозяева, так и не удосуживались забрать, ссылаясь на постоянную занятость, другие просто не платили за проделанное дорогое лечение, предпочитая полный отказ от данного пациента процессу расставания с денежными знаками. Ну, не гнать же добряку-доктору зверей на улицу? Вот и тянул он на себе весь этот тяжёлый груз фигурально, а сеструха мыла и чистила клетки, купала и расчёсывала зверей, подметала двор, кормила, готовила и выносила. Вообще, отдыхала! От тяжёлах мыслей про любовь и Ливерпуля – города и человека! Доктор наш не гнушался научных открытий и изысканий. Так он установил на шпиле башенки венчавшей дом большие зеркала гелиографа и любил в свободное, и, естественно, солнечное время поболтать с окрестными учёными. Иногда и до серьёзных вещей доходило! Однажды, помнится мне это было в среду, пришла гелиограмма, записанная доктором в силу рассеянности и отсутствия бумаги углём на манишке ослепительно белой крахмальной сорочки. «Айболиту. „Молния“. „Воздух“. В районе реки Лимпопо, на просторах саван Замбези, Калахари, а также и в Сахаре вспыхнула эпидемия. Предположительно ящур! Больны все макаки и остальные тропические и субтропические животные. Положение усложняется наличием отсутствия медикаментозных средств. От градусников до мёда и варенья. Ост-

рая нехватка ночных горшков. В районе эпидемии замечены разбойники под руководством Бармалея. Прошу организовать высадку врачебного десанта и провести войсковую операцию не позднее следующего вторника.» Подпись: Главком сил по поддержанию мира и правопорядка, аксалотль Соня Фердыщенко! Такое обращение не могло не тронуть доктора Айболита. Что до того, что он вообще не знал о Замбези? В его воспалённом воображении всё застлала сонмы больных обезьян и страдающих от недугов крокодилов, носорогов и прочих антилоп! В путь, – вскричал доктор, немедленно в путь. Варвара! Где мои валенки и зимняя меховая шапка? В районе катастрофы, в силу близости Южного полюса, температура может колебаться в пределах амплитуды, а это ужасно. План будет таков! Беги к домику капитана Ливерпуля и попроси его дать мне корабль. На время! Как? Ты не знаешь, что он позавчера вернулся домой из очередного плавания? Разве я тебе не сказал? Ну, извини. Запомню. А потом сопроводи меня в город. Я буду закупать медикаменты, апляянсы и прочее оборудование. Типа варенья и медовых пряников! Ты, конечно, путешествуешь со мной. Практика у тебя огромная. Назначаю тебя командором отряда морской пехоты для отражения возможного нападения разбойников, насильников и грабителей пресловутого Бармалея. В твоё распоряжение поступают: в чине капрала Ав-ва, старший фейерверкер Альфред, бомбардир Чи и транспортное средство Тамбурин. В виде и состоянии рядового, но обученно-

го! Общее руководство я беру на себя. Мой чин – адмирал зада военного времени! По-английски это звучит красиво! И что же вы думаете? Терпенье и труд даже Ливерпуля перетрут! Дал, конечно же дал он корабль. Кто мог отказать в невинной просьбе прекрасной соседке? А бурная ночь перед отплытием и взаимные клятвы о немедленном продолжении романа и последующем союзе сердец окончательно отбили остатки разума в голове капитана. Да и что бы вы сказали, используя прелести соседки, после годового нахождения в море? Черт с ним с кораблём. Я себе ещё наживу. И это в худшем случае. Житейское дело – дашь на дашь! Сам Ливерпуль хотя и горел желанием страстного продолжения банкета, никаким образом не мог отправиться в далёкое и опасное плавание. Об этом позаботился первоисточник, заставившей путешествовать не опытного капитана, а Айболита и его окружение. Команда погрузила всё благоприобретённое, погрузилась сама и отправилась к берегам Африки. Каким образом наши горе-путешественники добрались до места, правдиво может рассказать только картина великого Веласкесена «Приплыли». Мастер изобразил пустынный африканский пляж, устье реки Лимпопо, часть саванны Замбези. Уставленные рядами палаток с синим крестом окрестные пространства снабжены надписью в овальном обрисе «Ох! Ах!» И «Сейчас обделаюсь!» Корабль пришельцев вытасчен на пляжный песок. Подпорки помогают ему стоять вертикально. Айболит, склонившись в поклоне, бла-

годарит Сущность природы за проявленное чудо, добраться из Англии в Африку с таким руководителем и командой было, несомненно, чудом! Стройные ряды обезьян, получивших сразу слабительное и по медовому прянику в одни руки, сидят на горшках, распевая: Нам не страшно, нам не больно. На горшках сидим привольно. Вот он, доктор Айболит, что на берегу стоит. Подходите, поглядите на его учёный вид. Всех излечить, исцелит, нам не страшен целлюлит, алкогольная горячка, паратиф и тиф, вертячка. Дух здоровья здесь царит. Все к здоровью. Путь открыт! На заднем плане рядовой Тамбурин перемещает на себе безоткатное орудие калибра 45 мм. Фейерверкер Альфред, используя все шесть своих рук и упираясь тремя ногами в песок, тащит восемь снарядных ящиков сразу, а сзади идёт бомбардир Чи и веточкой замечает следы. В прибрежных кустах начальник морской пехоты с помощью ладоней лепит редут для отражения возможной атаки Бармалея и его команды! Вышеописанная картина имела оглушительный успех, будучи помещённой в галерею Марата Гельмана. Конечно, ей трудно было соперничать с шедеврами, писанными чистым дерьмом. Однако, сама причина правдивого отображения – а смысл её был в донесении до потомства правды о спасении зверей – лежала в основе успеха. Да и столько производителей любимого Гельманом продукта в одно время и на одной композиции обрекали произведение на клинический успех! На фоне остального – просто «Луч света в тёмном царстве». При-

мерно, в это же время, случилась история, которую необходимо пересказать параллельно с нашим правдивым повествованием. В городе на Неве, там постоянно происходят всякие странные события, жили мальчик и девочка лет 10—11. Точнее сказать не могу в виду полного молчания источников. Так вот, эти дети внезапно стали обуреваемы мечтой посетить Африку. Вот так, прямо с утра встанут и давай разговаривать: А что, мол, не посетить ли нам эту самую Африку с утра пораньше, или в течение дня. Только обязательно. Поскольку история моя отличается истиной, приближённой к последней инстанции, родители не только не отвели детей к врачу-психиатру, совсем даже наоборот. Стали им рассказывать про лишения и трудности, которые могут возникнуть на их не очень лёгком пути. Чем окончательно распалили и так вулканом клокотавший интерес детей к путешествию. Да! Я совсем забыл. Звали будущих эксплореров Таня и Ваня. Такие простые русские имена. Родители просветили эту парочку, не забыв рассказать о том, что в Африке произрастают афроафриканцы, гориллы, крокодилы, а также ужасный разбойник и злодей, Бармалеем прозываемый. Злыдень этот таковой, его хлебом не корми, дай пару ребятишек, да на каждый зуб. Проглот гадский одним словом! А прибежавшая на шум беседы бабушка от себя добавила. Поскольку в Африку попадают морем, имеется реальная перспектива нападения акулы-каракулы. Судя по терминам, была бабушка происхождением из Латинской Америки. Только в мест-

ном испанском слова кара-куло и кара-верге обозначают достаточно объяснимые вещи. Лицо-задница! Страшно заинтересованные всеми полученными сведениями дети—мудрики объявили, не смотря на горячее желание ошарашить акулу сначала кулаком, а затем и кирпичом, своё путешествие они откладывают. Чем окончательно и усыпили здоровую подозрительность взрослых! И зря! Сделав вид, что идут спать, дети сбежали из дома и отправились в Африку. Самое смешное, по замыслу старого автора, они туда попали. Нам остаётся сделать умный вид и сказать: Бывает! Чёрт его знает как, но произошло смещение событий. Таня и Ваня идут себе по Африке в районе (по научному, в бассейне) реки Лимпопо. Адрес у них был. Фиги-финики срывают, по пути спрашивают у встречающихся обезьян, как пройти в Африку? А те им отвечали, ссылаясь на ареал своего проживания, идти никуда не надо. Африка – она и в Африке Африка. Для фрика! И продолжали. Мы живём, – говорили четверорукие, – на Занзибаре, в Калахари и Сахаре, на горе Фернандо По, где и гуляет искомая Лимпопо! Мы бы с вами от такой ориентировки с ума спрыгнули, с глузду зыхали, а детям ништяк. До всяких органов дверцы, – как говорил один часовых дел мастер, поворачивая кукушку с часами лицом к стенке. Сегодня дятлом поработаешь. Не ку-ку, а тук-тук. Поняла? И, поневоле, будешь стучать! Вот, где-то на самом юге Африки, дети дождались, наконец, приключений на свои пусть пока ещё не обширные, но уже сформир-

ровавшиеся как орган, задницы. Идут они себе по пустыне, взятый из дома калач пожёвывают, тут, на тебе, из кустов выбегает вооруженный до зубов разбойник и злодей. О том, что бы дать ему по лицу, не может быть и речи. Не возникло не только жеста, даже желания. Вы представьте. Вам 10 лет, а на вас как трактор летит средних лет мужик. В плечах широк, ростом огромен. В одной руке бомбарда, в другой кулеврина. За поясом абордажный кортик. Сам в клешах, ботфортах и тельнике. Усы до пупа, а бородка короткая, шкиперская, рыжая и шелковистая. Разрешите представится – страшный злодей Бармалей. Прошу любить и жаловать. Мы тут посоветовались, – при этом злыдень указал на свой живот, – и порешили вас порешить, посыпать перцем, слегка сверху зажарить, приправить имеющимися в нашем распоряжении пряностями, подать к столу и съесть. Запивая еду пивом, вином и прочими ромами и элями! А пока я вас беру на своё попечение, докормлю до товарного вида и веса. Постоите вы у меня не один день, ещё и ночь, привязанными к пальмам, я вас кормить буду грецкими орехами вместо завтрака, обеда и ужина. От такой диеты гуси толстеют, а вам сам бог плодородия Озирис велел. Дети попытались упасть, как в обморок, но то что хорошо помогало дома, было совершенно не проханже среди местного элитарного общества. Давай, вяжи к пальмам их, – проорал Бармалей, и его свита, тоже состоявшая из самых отъявленных мерзавцев, охотно выполнила приказ. В это время появился один

из быстроногих карлуш-пигмеев, лучших разведчиков, посланных на гору Фернандо По для выяснения причин окончания эпидемии среди диких животных. Так в стане этих извергов стало известно о поползновении некоего мерзкого доктора, Айбролитом именуемого, начать лечение и пресечь вспышку заболевания. Надо ли вам разъяснять – всё было заранее подстроено Бармалеем и его командой. Эпидемию распространили специально обученные главарём грифы, которые сначала посещали скотомогильники, а затем, с высоты птичьего полёта, распространяли инфекцию среди несчастных зверей. Да и отсутствие гигиенической привычки мыть лапы перед едой тоже делало своё грязное дело. У вас может возникнуть законный вопрос, зачем, собственно говоря, ополчился Бармалей на несчастных зверюшек? Поясняю. Из нечеловеческой ненависти ко всему живому, злыдень старался облегчить давление фауны на почву самыми гадскими способами. Нам это не понять, так что и пытаться не будем. Бармалей долго не думал. Зачем? Тут думай, не думай, мочить приезжего надо. Собравшись с духом, порешил мерзавец гнать детей перед собой, заслоняясь от поражающего фактора выстрелов возможного противника, когда придётся редуты брать, использовать заложников на минных полях, а во время похода, в смысле еды, зверюшек хватит, благо, все они должна были уже вылечиться. Доктор Айболит времени тоже не терял, развернув полевой эвакогоспиталь, разъединил больных с симптомами латентными,

продромальными и тех, кто уже почти скопытился. В смысле почти перекинулся! Ну, дуба дал. Ставит и ставит им градусники, клизмы и уколы, сажает и сажает на горшки. Меры принимает. Куда зверям деваться? Стали все как мухи выздоравливать! А Варвара, построив пехотный редут при помощи ручного шанцевого инструмента, оборудовала траншеи, эскарпы и контрэскарпы, окопы и закрытую позицию для ведения активной контрбатарейной стрельбы. По слухам, Бармалей был пиратом и надо было учесть, возможно прибытие как одиночного корабля, так и вражеской эскадры. Творческий и полководческий гений Варвары позволил ей переоборудовать место засады своего единственного безоткатного орудия, что появилась возможность одномоментной стрельбы во всех тактических и прочих направлениях. Выползень Альфред прикинулся шлангом и залёг в траншею перед редутом, а бомбардир Чи зарядила пушку туго и приготовилась к стрельбе. Тамбурин, всё же и он был солдатом, притащил барабан и при помощи передних ног, исполнял на нём симфоническую сюиту «Огонь» композитора Швандырюка! У вас мог появиться вопрос, куда, подевался ещё один военный служащий – капрал Ав-ва? Отвечаю. Никуда! Просто используя присущие данной породе преимущества, как то: слух, нюх и отменное зрение, осуществляла капрал фронтальную и прочую разведку, добывая как агентурные, так и визуальные данные. О какой агентуре может идти речь? – спросите вы, и будете правы. Создать приличную агентур-

ную сеть за такой короткий промежуток времени не представляется возможным. Но если брать для использования тех агентов, кто передан тебе на связь из числа посланных на давнее и глубокое оседание, вполне можно. И, даже, нужно. Именно таким агентом глубокого оседания, был, то-есть, являлся, панголин Васяся, служивший личным ручным зверем пресловутого Бармалея. У мерзавца, я имею ввиду Бармалея, не было тайн от любимца. Именно со встречи с ним возвращалась Ав-ва, обогащённая самыми мрачными тайнами разбойника! Шифры, пароли и явки Варвара получила от агента морского министерства, которым был Ливерпуль. Нашли, нашли влюблённые время не только на любовные утехы, но и на дела государственной важности. Честь и слава таким работникам, которые при самых сложных жизненных обстоятельствах не забывают о служебном долге. Скоро появиться, – вот что было самым ценным сведением, полученным из глубоко законспирированного источника. Выползень Альфред, будучи, по-сущности своей, белой окраски, просто-таки сливался с морским песком пляжа. Это был обычный для своего вида трёхметрового размера обладатель шести передних и трёх задних конечностей. Альфред прекрасно говорил на языке старой доброй Англии, а своё несуразное и несоразмерное тело объяснял происхождением по прямой линии от змеедевы Ехидны и пресловутого Халцедона, а когда пытались расспрашивать, ловко пересказывал книгу «Мифы Древней Греции». Москва. Олма. 2008 год. Таким

образом, после занятия капралом Ав-ва построеного Варварой защитного сооружения, стало понятным. Бой неизбежен и будет, не смотря ни на что, принят. Оставалось поднять флаг, ещё с глубокой древности повелось при сражениях держать сий предмет гордости на высоком и видном месте. Гарнизон был выстроен и, под литавры Тамбурина, пение гимна «Правь, Британия морями» белый флаг с синим крестом был поднят на вкопанный в песок шест. На фоне синего неба, оранжевого солнца и красных задов, сидящих на горшках и тужившихся мартышек, флаг смотрелся величаво и красочно! Услышав быстро приближающийся топот, а скорее шумное передвижений вражеских колонн, Варвара приказала немедленно изготовиться для отражения атаки. План Бармалея был построен на внезапности, шумовом сопровождении и применении средств скоростного обмана противника. Им было принято решение пустить Таню и Ваню, в расчёте на то, что переодетые пиратами дети отвлекут внимание противника от истинных сил. Шумы же достигались путём одевания на тонкие ребячьи шеи ожерелья пустых консервных банок из-под маринованных сухофруктов, использование аналогичных предметов вместо детской обуви затрудняло опознание по следовым дактилоотпечаткам и производило в процессе трения о песок достаточно мерзкие звуки. Скоростной же обман обозначал перенос левого фланга в центр, правого на левый, тыла в арьергард. Ясно, при данной диспозиции не только типовой адмирал зада, кто

угодно, хоть и чётр, ногу сломит! Кто же из логова Бармалея мог знать о наличии в своей команде аналога штандартен-фюрера Штирлица? Пардон! Я забыл слово «фон». На вопрос ужасному злодею: План у тебя, горемычный, есть? Был готов ответ: План то-есть, да он известен весь. Врага давно уже ждали. Варвара приказала Альфреду, как фейерверкеру, произвести салют вверх белыми свистками, а прямо затем, расступившись, пропустить через себя мальчика и девочку. Тоже, потенциальной матерью была женщина Варвара, жалела детвору. Конечно, если речь не шла о благе государства. Тут её не было никакой возможности остановить от совершения зверств, никакими мерами! Девиз: «Я за Родину свою, озверев, паду в бою» не зря был частью татуировки на её левой девичьей прекрасной груди. Он являлся обрамлением портрета королевы-матери. Ну, что уж скрывать? На правой груди тоже имелась татуировка. В спасательном круге лицо прекрасного Ливерпуля и надпись как нимб. «Нет в жизни счастья Варваре»! Бомбардиру Чи было приказано после появления основных сил противника открыть беглый огонь по мерзавцам, стремясь попасть в как можно большее число вражин. Снарядов не жалеть. Вести ураганный огонь! Капралу Ав-ве последовало указание создавать панику, для чего быстро бегать среди тех, кто укрылся на поле боя от артиллерии, клацать зубами и рычать. Но делать это только после прекращения основной артподготовки. Сама Варвара будет стоять на редуте с одной обнажён-

ной грудью, держа в руке левой знамя, а правой сжимая саблю. Такая поза, по мнению выдающегося художника Де ла Круа, присуща Свободе на баррикадах! Тамбурин, как рядовой осёл, в сражении участвовать не должен. Он будет обеспечивать идеологическую поддержку вести пропаганду среди войска противника. Для чего при помощи барабанов, литавр и кинвалов будет производить шум, а в перерывах кричать: Всё пропало! Я уже убёг! Спасайся, кто может. Люди! Я любил вас. Будьте бдительны! И прочую пацифистскую мургу! Как только Таня и Ваня забежали на территорию охранной зоны и увидели пропускающего их через себя Альфреда, сознание сразу покинуло их детские головы. Приблизались основные силы Бармалея. Нарастал пыл сражения. Быстро опустошив патронные ящики, Чи-Чи приняла решение использовать подручные средства. По её команде соплеменницы, следуя показанному им доблестной бомбардиршей примеру, разом вытерли зады, привстали, схватили свои горшки и швырнули их в сторону противника. Набегавшая, ошестиненная горячим и холодным оружием шобла была неприятно изумлена. Многим моча ударила в голову. Иногда попадало и вместе с горшком. Замешкавшиеся ряды могли бы быть ободрены вожаком но Бармалей, споткнувшись на прелестном содержимом одного из снарядов, рухнул не с дуба фигурально, а с ног реально, да ещё и влетел головой в мягкое подбрюшье Альфреда. Такого поношения честный воин вынести не смог. Своими мощными руками он скрутил вра-

жину, а затем мощным пендалем переправил его в свой стан. Где его благополучно принял политрук Тамбурин, сразу зануздавший его и применивший удила с шенкелями! Ав-ва в это время бегала среди сонма совершенно обалдевших бармалеевских сподвижников, кусала их за пятки, грозно рычала, в результате чего лишённые рассудка, потерявшие человеческий облик враги попытались бежать, но были окружены рядовым Тамбурином и фейерверкером Альфредом, а затем, видя безвыходность ситуации и морально разложившись, сдались в плен. Быстро поправив бюстгальтер, Варвара оглядела своё воинство и осталась довольна. Враги туго привязаны к пальмам, свои все дома. Но, что это? Где брат мой, Айболит? А вот и он. Он под деревом сидит, нам он что-то говорит. А мы его и не слышим! В то время как братан призывает милость к падшим. Мол, так туго верёвки впились в нежные тела пленных, руки связаны, ни попить, ни поесть. Жалко! Надо их отвязать, отмыть и отпустить. Варвара, будучи женщиной умной, перечить не стала. Поскольку с эпидемией было покончено, ничто более её и команду в данной части Африки не задерживает. Пора домой, а то там человек и город Ливерпуль заждались! «Марш, марш вперёд, маленький зуав!»! Когда все участники экспедиции были погружены на корабль, безусловно, включая Таню и Ваню, Варвара перед самым отплытием вспомнила, флаг, надо забрать с собой флаг, до сих пор гордо реявший над полем бывшей битвы. Легко сбежав на берег и забрав искомое, она грациозной

походкой пеликана приблизилась к огромному альфа-самцу, возглавлявшему трибу горилл, и, показывая на пленников, произнесла: Вон те говорили, тебя на мясо, сами алфа-самцами поработать могут. Андерстуд? Могучий вожак внимательно кивнул головой, хотя смысл сказанного ещё только доходил до его мозга через толстенную лобовую кость. Варвара же абордажной саблей разрешила путы на пленниках, включая Бармалея, и попросила их размять ноги, которые им могут вскорости пригодятся. Тут до предводителя дошёл полный смысл сказанного. Что было потом, история умалчивает. Всё же и она дева, по крайней мере – женского рода. Варвара вернулась на корабль, путь к плаванию, наконец, был открыт. Завезя в Ленинград ребятишек, родители которых уже было начали волноваться, корабль Варвары вернулся в родной город. Одним из первых её встречал поседевший от груза переживания за возлюбленную капитан Ливерпуль. А там, честным пирком, да за свадебку. И жили они долго-предолго, а умерли в один день. И то, от смеха! Потому что именем их брата и шурина была названа битва при Фернандо-По против Бармалея в школьном учебнике гранд гранд внуков!

Новая история Мойдодыра!

Один мальчик ужасно не любил мыться. Жил он в неполной семье, в двухкомнатной квартире. Поскольку дело было в городе Ленинграде, да ещё в далёкие тридцатые-сороковые годы, означало это – мама была весьма и весьма ответственным работником. Большинство населения, а именно так обзывал себя народ, обреталось в коммуналках, где на комнату в восемь метров приходилось по восемь обывателей, значит жил пацан просто роскошно. Как так получилось, не скажу, с удобствами были проблемы. Кухня и ванна были, воды не было. За давностью лет, нам уже не установить, была ли эта проблема перманентна, или решаемая. Я придерживаюсь точки зрения, что время от времени воду давали. Но, редко! Потому под кроватью стояла «ночная ваза», а в комнате мамы – старинный умывальник. Кто не знает – поясню. Это такой деревянный с мрамором стенд, в центре закреплена раковина, повыше располагался кран, а сзади стойки висел на этом же умывальнике, сосуд для воды, откуда она и поступала в кран. Ты мог открыв кран совершить омовение лица, рук и всего, чего сумеешь сунуть под жидкую струю. Это не совсем тафталогия. Вода, конечно, и так жидкая, говорю не о воде в целом, а о струе! Может же быть струя газообразной? Здесь под струю, что могли – совали. Вот! В любом случае, сосуд данного умывальни-

ка надо было предварительно заполнить, а так он не работал, не мыл и всё! Ну, пьяному ёжику ясно, летом Питер никак не Сочи. Холодно! За водой не набегаешься. Так что причины мыться пореже у пацана как раз основательные были. Причём, довольно, веские. Мама всё больше дома нет. Вода на нём. И тут получается такая глупость. Сначала принеси, потом мойся, воду расходуя, а затем из таза или ведра грязную воду в унитаз выливай. Смывать надо как то! Продукты жизнедеятельности! Мама на еду очень даже зарабатывала. Из сухих строчек повествования можно увидеть наличие некоего пирожка, и прыжок в рот бутерброда. Еда была, с водой проблемы! «Что делать?» и «Кто виноват?» – такие вопросы не возникали – временные трудности. Вражеское, и иное, троцкистско-ягодо-бухаринское окружение! Мыться пореже, идея хорошая. Все в выигрыше. Пацану воду реже таскать, в умывальнике для мамы всегда вода, и мыло, по талонам данное, беречь можно. Сплошной профит и рационализация мытейного производства! Однако, назревали проблемы. Суровая действительность предвоенного Ленинграда вошла в сугубое противоречие с действительностью поэтически-сказочной, которая в категорически грубой форме требовала от мальчика помыва, и помыва немедленного. Чего её подгоняло, не скажу, не знаю. Но, могу догадаться. Автору есть – пить надо. Ну и пишем всякую хрень. У того хоть гонорары были, а я вообще ни за грош треплюсь! Но это к помыву, типа реальному, не относиться! В жуткое для ребёнка

время, прямо посередине дня, когда раскинувшийся на диване малец предавался сладкому ничегонеделанию, (дольче дель ниенте, а может ниенте дольче фаро – забыл по-старости, это по-итальянски с ошибками) вдруг, я подчёркиваю это акцентирующее слово, из маминой, из спальни, кривоногий и хромой... В силу своей испорченности, вы, конечно, решили, речь пойдёт о явлении, Швондера или братьев Кальсонеров? Нет! Мамина светлая репутация остаётся кристально чистой! Поскольку состоялось явление миру ожившего умывальника. Он взял и пришел! Да ещё и головой качая! Умывальник! Как тот слон, который качая именно головой, а не тем, о чём вы тут сразу подумали, слонихе шлёт поклон в детском сборнике. Или, помните, песенная рябина! Короче, оживший и совершенно утративший рассудок умывальник начал качать права, пользуясь беспомощностью бедного ребёнка. Интересно, а что бы было с вами, читатель, ежели бы в данной ситуации оказались вы? Мальчик замер на своём мягком месте (на диване, конечно), съёжился, постарался прикинуться хоть подушкой, хоть диванной ветошью. Однако, озверевший гигант сантехники был неумолим. Он начал разговаривать. Поскольку никакие разговорные органы не были предусмотрены водопроводной конструкцией, жидкие мыслишки, облечённые в бульканье, проистекали прямо из крана, речи были темны и ужасны! Да чего вы хотели услышать от проснувшегося глубокой ночью и заголовсившего унитаза? Судя по интонациям, всё шло к представ-

лению оснований для явления чуда природы и посрамления маленького мальчика. Разрешите представиться, – пробуль-кало гнусное чудище. А как иначе вы назвали бы этот совсем выходящий за пределы человеческого разума предмет? Мойдодыр! Погоняло у меня, в натуре, такое. Умывальников начальник и мочалок командир. Но не тех, кого только именуют мочалками. Мочалок истинных, реальных, для помытия предназначенных, а не для всяких прочих, тоже имеющих право на существование, процедур! Ты знаешь, если только я топну ногою, позову своих солдат, что будет? Отвечу! В эту комнату, ты понял, толпою, умывальники влетят. Тебе, пацан, не понять, но при распальцовке тут так залают, что завоют. И тебя, убогого, ногами застучат. Ты понял! Или пояснить чего тебе, нетопыр, обмылок недостроганный, Фуфло с руками? Данилко ты, недокормыш. Такое тебе теперь имя будет. По-нашему, по-закону! Как станут по-фене где ботать, или углы работать, ты тут как тут. С новым красивым именем по фенечке. Расти, пацан большой, и про мытьё не забывай! Ибо, сказано! Не мытьём, так катаньем! А то придётся тебе головомойку учинять и, зимы дождавшись, как старого Распутина, прямо в Мойку, прямо в Мойку с головою взять, да и окунуть. От речей таких неслыханных пацан как был, рванул с места и скрылся в паутине Ленинградских улиц. Хромое же порождение ушедшего в небытие дворянского быта преследовать пацана не решилось. Во-первых, и так хромой, во-вторых, не набегаешься! Между тем малец убежал не про-

сто так, а от одной из многих последовательниц всеобщей гигиены. Мойдодыр, гнусно усмехнувшись в махровое полотенце, послал за нашим ребёнком мочалку, страшную в исполнении таких несвойственных ей функций. Эта гнида гнала ребёнка по улицам, набережным и переулкам, постоянно кусая его, как некая проснувшаяся от летаргического векового сна, голодная, в жажде, кровососущая волчица, теперь дорвавшаяся до тёплой крови! Происшествие длилось достаточно долго, и в районе Сенной, и в районе Бассейной улиц. Но на одном из бульваров, а их в Ленинграде от бывшего града Питера, слава Богу, осталось ещё не мало, зверскую животину прямо из воздуха выхватил и мгновенно проглотил молодой папа, прогуливавший своё потомство в лице пока маленьких Тотоши и Кокоши. Это был типаж, известный всему городу под именем «мой хороший» и «мой любимый» крокодил. Не задумываясь ни на секунду, мощное животное мгновенно истребило озверевшую напасть! И только потом обратило внимание на виновника нелепого происшествия. Крокодил, мгновенно оценив далеко не простую ситуацию, которая могла привести его к не нужному конфликту с помоечным авторитетом Мойдодыром, принял вальяжный вид и начал топтать ногами. Мол, я не я, мочалка не моя, а кто догадался, тот сам и обосрался. А потом как зарычал, как ногами застучал, посоветовал виновнику торжества возвращаться домой и решать возникающие проблемы путём стрелок и тёрков, а не путём, который может привести к вооружённо-

му конфликту. Естественно, пацан, в миг просёкший ситу-
ёвину, пустился вдруг по улице бежать, да всё ближе к умы-
вальнику стараясь попасть. Забил пацан стрелку, перетёрли
они это дело и сразу договорились. Малый теперь будет мыт-
ся по утрам и вечерам. В течение суток, в районе городских
бань выступит с одиночным пикетом, держа плакат: Срам
нечистым трубочистам. Стыд и срам. Это спереди, сзади бу-
дет рекламный плакат про полотенца пушистые, мыла души-
стые и зубной порошок и густой гребешок. На том и пореши-
ли. А вскоре дали воду в ванную и на кухню. Необходимость
в умывальнике исчезла, его, с помощью окрестной детворы,
радостно вынесли на улицу и доставили к школе. Где как раз
был сбор металлолома и мрамора! Там кривоногий хромой
и упокоился. Мир праху твоему, старина!

Путаница

Тяжёлые времена наступили в местном сообществе животных. Пока звери передвигались на различных видах транспорта, включая и чрезвычайно экзотические, обстановка, постепенно нагнетаясь, отяжелела. Никто не мог предсказать трагических перемен. Как и в любом другом месте, раки использовали под транспортное средство хроющую собаку, зайчики, предварительно украв пару мешков электричества, гоняли вагон трамвая, медведи эквилибировали на велосипедах, соревнуясь в скорости с жабой, оседлавшей метлу. Ехали, смеялись и пряники жевали. Хорошо-то как! Ничто не предвещало беду. Но вот первая тень заслонила цветущее, играющее всеми бликами радуги, ликующее пространство. Казалось, само солнце стыдливо прячась за тучи, не желает видеть приближающиеся события. Повеяло мрачным холодком. Откуда то, может и с поганых болот, потянуло смрадом и беспризорициной! Однако, беспечные пока ещё обыватели шли прямо в пасть разверзнувшейся впереди ловушки. Ничто не предвещало беду, и, даже, имевшие обыкновение вводить всех в панику, карна и скорбная жля на этот раз так и не предприняли мер профилактического характера. Им бы заплакать, закричать, завывать, ань, нет. Промолчали, то-есть, халатно подошли к исполнению своих обязанностей. А именно в это время... Из-за леса, из-за гор, показался Му-

хомор! Грозный, в валенках, в тулупе, а в руках его топор! Если вы думаете, что этот лесной ядовитый разбойник дошёл до таких пошлых вещей, как пугание целого сонма зверюшек, вы жестоко ошибаетесь. Им предстояло столкнуться не с красно-белым красавцем леса, а с кое-кем пострашнее. На перепутье дорог, врасая мощными морскими клёшами в лесо-степную почву, расположился босой Бармалей. В тельняшке, с тесаком и ложкой, был он страшен и неотразим. А песенка – это так, для отвода глаз и прочих органов предупреждения о явной опасности. Тут события резко усложнялись и, где-то даже, нагнетались. Не успели испуганные животные затормозить, как на большом валуне объявился ещё один соискатель добычи. Этот сразу речь начал вести про то, как он всех сиест, никого не помилует. Сначала малых детушек, а там, когда опять проголодается, до остальных доберётся. Поскольку именно он и есть санитар леса, а не какие-то глупые, из головы выдуманые звери, волками именуемые. И настолько не логичные, что имеют глупую привычку подъезжать ко всем на кобыле! Это был он – страшный и ужасный таракан, имевший блатное погоняло типа: Таракан Таракан Тараканище! Смердное словосочетание приводило в трепет всех обитателей леса! Паника началась немедленно. Описывать череду происходящего человеку с нормальными, обыкновенными, не писательскими нервами, резко возбраняется. Тут были сцены простого и мрачного каннибализма волков, и жуткий процесс извлечения

неким российским автором полупереваренной жабы из утробы крокодила, а процесс восстановления ежа после зада слонихи, обычными средствами описания не передать. Это был именно тот случай, про который поседевшие очевидцы говорят: Ни в сказке сказать, ни пером описать. После чего неделю пьют без просыха! Учитывая малый формат летописи, мы не можем подробно проследить судьбу всех, но на мужестве кота хотелось бы на время остановиться. Как вы знаете из летописи первоисточника, кот ехал «задом наперёд». Зачем он это сделал, то-ли из врождённой осторожности, а, может, наперекор судьбе и обстоятельствам, история умалчивает. Но – ехал! И так и въехал в Бармалея, благополучно миновав булыгу с Тараканом. Не видел он, а почему паника – не сразу, в натуре, понял. Ощутив спиной, что его пытаются отправить в рот при помощи набора суповых столовых инструментов, кот с диким мявом вцепился в руку Бармалея, затем прыгнул ему на голову, немного поправил причёску и сиганул в окрестности. Именно с тех пор, обзаведясь золотой цепью и самоприковавшись к дубу, ходил котяра, нарезая круги, попевая и рассказывая о своих многочисленных подвигах. А поскольку со временем много забывается, то и перешёл зверюга к песням и сказкам народов мира, для чего приобрёл учебные пособия в виде песенников и сборников сказок! Однако, вернёмся в жуткое настоящее. Ретировавшиеся звери попрятались по водоёмам, оврагам, буеракам и пещерам. Как сказал тонкий знаток таких состоя-

ний вице-губернатор Щедрин: Слышно было, что кто-то где-то дрожит. Но вот кто и где – определить было практически невозможно! Конец цитаты! Однако у обездоленных, в силу известных исторических условий, могут появляться вожди и предводители. В самой середине событий борьбу с обнаглевшими литературными персонажами возглавил гиппопотам. Почему именно он выдвинулся среди прочих, сказать не могу. Ограничусь фразой «Судьба такой!» Но у него была программа действий и средства для привлечения к её исполнению лиц заинтересованных. Например, крокодилов и китов! Почему именно их, а не, скажем, друзей – бегемотов и удавов, сказать тоже затрудняюсь. Наверняка, знал, к кому обращаться. Ему на месте виднее было. Гиппопотам сразу создал систему поощрений и отличий. Жизненный опыт, очевидно, подсказывал ему, что брать героев леса на голое «Постановление» бесполезно. Ласковое слово, как говорится, и кошке приятно. Простая истина, а смысл содержит государственный. Похвали, ещё лучше, награди, вот основа действий умелого и опытного военачальника. Издав указ, гиппопотам сразу мог награждать отличившихся в борьбе с мерзавцами «двумя лягушками», (я думаю, это оборот речи. Так назывались орденские знаки отличия. И чем это хуже Ордена подвязки или Тельца?) а также жаловать героев еловыми шишками, что несомненно служило «сигнум лаудантис» – знаком отличия военачальников. Что же происходило в стане противоположном? Как вы уже догадались, тут не бы-

ло героев и антигероев. Хулиганы леса и детских книжек, по воле автора вступившие чуть ли не врукопашную со звериным сообществом, мирно сидели в тенёчке, успевшие познакомиться и выяснившие, на Кайенской каторге они могли быть чуть ли не в одно и тоже время, что их сразу сблизило. Бармалей и Таракан, сидя в холодочке за распитием бочонка чистого ямайского рома, уже забыли о странном и глупом происшедшем. Ну, пуганули они какую-то шушеру, ну, наобещали чёрти чего? С кем не бывает? Надо вам сказать, искомый Таракан хоть и был незначительного размера, обладал чрезвычайно могучим слухом. Как вы знаете, тараканы слышат ногами. Проведённый учёным Иваном Поприщевым ещё в 18 веке эксперимент с точностью до наоборот позволил это установить. Поприщев поднимал шумовую тревогу – тараканы разбегались. Но русский самородок заметил, если тараканы по каким-либо соображениям ног были лишены, никакие звуковые вкрапления их не трогали, не раздражали. Тараканы не разбегались! Шесть пар ног – солидная слуховая база! Таракан услышал прелюбопытный разговор в стане возможного противника. Гиппопотам после обращения к крокодилам и китам и полученного отлупа, решил проникновенными словами взять за жабры основных млекопитающих. Решительно предложив свой план наступления, выразившийся в стремительной атаке на базу противника, гиппопотам в ответ услышал жалкий лепет оправдания отказа! Быки и носороги, которым было предложе-

но использовать по прямому назначению имеющееся оружие, трусливо поручили ответ дать коровам, очевидно, рассчитывая смягчить гнев строгого вожака стройностью форм бурёнок. И что же сказали эти жалкие представители прекрасного пола? Эти самые потенциальные «матери вольного стада»? Сославшись на нынешние высокие розничные цены на шкуру, рога и копыта, пеструшки и другие особи категорически отказались от любого участия в военных действиях. Вот это стало известно двум пьяницам и даже их слегка разочаровало. Гиппопотам же от такого сраму и личного ему поношения, прыгнул с обрыва в болото и залёг там, тщательно обдумывая грядущие мемуары! Далее события развивались стремительно. Враги дрожали, герои принимали на грудь гадость ямайского разлива, всё очень даже правильно. Кстати, лирическое и трагическое отступление. Ром, как вам и мне известно, по-сущности своей, благородный, ароматный, изящный, вкусный напиток. Кубинский ром медовый, баккарди из Венесуэлы – напитки дворянского, а, может, и боярского достоинства, могущие посоревноваться с другими крепкими, например, мандариновой китайской водкой и водкой российской лимонной. Ром же, который пили негодяи, ямайский ром бассейна Карибского моря, отличающийся мерзким вкусом и красным цветом – гадость редкая. Короче, питьё Бармалеев и Тараканов! Правда, субъекты эти не привередничали. К чему только на Кайенах не привыкнешь! Внезапно, а много в моём правдивом

повествовании именно так по времени и происходит, образовавшись из ниоткуда и стремясь в никуда, прискакало кенгуру. Какой чёрт занёс её на просторы российской сказочной действительности, не знаю. Думаю, этот феномен станет предметом изучения учёных будущего. Заметьте, я обозначаю данное животное в среднем роде, что бы не быть обвинённым в затушёвывании роли геев при происхождении данных событий! Кенгуру, поискав в своей сумке и не найдя, обратилось к отдыхающим с просьбой о присоединении. Мнения разделились. Если Бармалей был за, поскольку привык на французской каторге к использованию кенгуроподобных, то Таракан упирал на воровские законы и понятия, не позволяющие реальным пацанам жрать ханку с пидорами, хотя и не отвергал другого, очень возможного их с успехом использования. Сошлись на том, что налить нальют, но с существом сумчатым сами пить не станут, а насчёт остального после разберутся! Выпив, кенгуро стало посмелее и даже осмелилось на некоторую ревизию воровской субординации. Да и кого из нас не развезёт от пары-тройки стаканов жуткой крепости дерьма, да ещё если часть его была вылита Тараканом в сумку на животе? Протерев глаза и встав в позу записного оратора, сумчатое начало, отнюдь, не дозволенные речи. Кого я вижу, тереть мой лысый череп? – уверенно и мощно раздалось из переговорных органов. Откройте мне веки! Разве перед нами некий великан? Ха, ха, ха! Это ж просто таракан! Ха, ха, ха! Жидконогая козявочка, букашеч-

ка! Сволочь, меня в зоне такой вот козёл опустил. Да я тебе шнифты высосу! Ром продолжал свою разрушительную работу. Кенгуро встало в позу лотоса, всхрапнуло и повалилось в густую траву. Бармалей с Тараканом прекратили пить и смущённо переглянулись. Во даёт, гада ядовитая, – только и промолвил Таракан, а Бармалей добавил: Проспитесь, на мясо пустим. Вкус такой же как у крыс. Помнишь, ловили, жарили и ели? Продолжим? – и друзья продолжали возлияния. Именно в это время, по идее, должен был прилетать мифический воробей, его появления готовые к благодарностям звери так и не дождались. Могу объяснить причину. Не могла жалкая птица одновременно быть и героем книжки «Творчество умалишённых» у братьев Стругацких, и склевать Таракана в нашем правдивом, я не устаю это подчёркивать, произведении. Физически! Но, «ничто на земле не проходит бесследно», как отметил завершение акта дефекации слон. Повторение – мать учения. Из-за леса, из-за гор в нашу действительность въехал дедушка Трезор. Струны он перебирает доброй старческой рукой. Едет торговать мукой! Производство данного продукта было давно налажено меся Трезором в фирме «Мели, Емеля», имевшей и английский псевдоаналог названия «Дейли Емель». Распевая строевую-походную, подцепленную ещё во времена бесшабашной службы в кирасирском корпусе Мюрата, старый Трезор лихо гарцевал на кобыле цвета перезрелой соломы, купленной в городе Париже у приехавшего на службу Д'Артанья-

на! Остановившись у самого края повествования, француз начал исполнять гасконскую народную песню, одновременно с этим джигитируя, вольтажируя, рубя в песи, круша в хузары расставленные на кольях бараньи головы! Жуткая мелодия завораживала и уводила, а блеск неотточенного палаша резал глаза и сердца присутствующих. Навсегда отложились в поседевших головах слова безумного Трезора. «Форшмак в поход собрался, объелся огурцов, в походе облажался, забыт в стране отцов. Бежал быстрее лани Форшмак наш от врага, ему бы с бабой в бане полировать бока. Хреновый полководец, хреновый гражданин. Так Францию позорить мог только он один!» Небрежно вбросив палаш в ножны, Трезор продолжил свои не очень внятные речи! Я вас приветствую, граждане свободного сообщества. И подыгрываю себе на фуа-гра! Вы, я надеюсь, не против. Торговые дела привели меня в эти абсолютно ещё не исследованные места материка. Имею продать пару вагонов качественной маисовой муки. Желаете купить, или будем за это ещё разговаривать? Среди тут, – он обвёл жестом руки окружающее пространство, – очень даже ничего. Присаживайтесь, граждане. И, к оружию. По этому сигналу из окружающей действительности появились пока ещё не участвовавшие в повествовании комарики. В самом начале событий, контролируя с воздуха ситуацию в районе проведения массовых гуляний, данные инсекты на воздушном шаре уплыли в пространство, при нашествии Бармалея и Таракана, практиче-

ски, не пострадали. Это и позволило им обратиться в филиал иностранного легиона Франции, с которым тогда ещё поддерживалась проводная связь, а уже в порядке приказа оттуда, поступила команда во французскую секцию интерпола. Именно, этим и объясняется появление, под видом полусумасшедшего отставного военного, комиссара, я извиняюсь, в то время уже префекта полиции столицы Франции – Видока Фиглярина! Сброшенная с воздуха сеть мгновенно парализовала преступные элементы, и это позволило Видоку исполнить французскую песенную кантату (не путать с Кончитой) «и враг бежит, бежит, бежит». Хотя поверженные были настолько укутаны, что и шевелились с трудом, где уж там бежать! Вот и время апофеоза! С трудом дождавшиеся своего часа, козлы стали радостно мести бородами дорожку, чего ещё можно ждать от козлов, кроме вот такой козловой активности? Бараны, как им баранам и положено, стали стучать в барабаны. Ослы, трубно распевая «Осанна», вообще перегнули грань, забредя в среду, им до того не доступную! И даже не заметили этого. Одно слово – ослы! Оттранспортированные в Гаагский трибунал злодеи ответили за дела свои чёрные по-полной. Ни один не дожил до суда, система этого судилища позволяет дождаться приговора лишь Кашею Бессмертному! А кенгуру, как элемент угнетаемый, получило разрешение на проведение митингов, шествий и маршей по всей Европе, при голой жопе и с набором традиционных цветов радуги на знамени! А после всего этого начались

праздничные гуляния, чуть не окончившиеся полной трагедией. Допившая в честь избавления от ежа на радостях почти весь ром, оставшийся в бочонке, слониха пустилась в безудержный танец, и пока она порывалась исполнить на столе стриптиз, луна, не выдержав такой вселенской половой распущенности, потеряла сознание, не могла удерживаться даже и в покое самостоятельно и рухнула в болото! Только инженерная мысль, тоже не дремавшая на просторах возникающего вокруг космического безумства, смогла найти верное решение. Группа обезьян, под чутким руководством питона Ка, достала Луну со дна, очистила от ила и тины путём облизывания и, когда она засияла как ломаный грош, вернула светило на место, даже, для верности, укрепив Луну гвоздями, то-есть, так и прибавив спутник Земли к небесной тверди! Что, по замыслу автора, меня значить, позволит избежать повторения подобных безобразий в дальнейшем!

Да ладно, замнём для ясности!

Жили-были старик со старухой. Как вам начало? Чего-то такое я где-то слышал. Вот дальше будет страшнее и разнообразнее. Да, ладно! Чего там можно нового про несчастного старика и бедную старуху написать. Курочка Ряба? Была. Колобок по сусекам скребли? Скребли. По пузу, а оттуда два арбуза кувырком присутствовало? Знамо дело. И даже про ленивых старых супругов, поспоривших, кто первый слово скажет, тот и пойдёт дверь на ночь на замок закрывать, было! Но предметом сегодняшнего пристального внимания становится неизученный наукой феномен. Речь будет идти о (уж больно хорошо один старый автор выразился) сарсапарилле невежества и пролегоменах науки. Знаний-то есть! Которые есть сила! Как говорят учёные, любое открытие, скажем, физическое явление, становится научным фактом там, тогда и (важно) постольку, где, когда и поскольку результат, выданный на гора, может быть повторён и зафиксирован другими учёными, в иных лабораториях, и не единожды. Бог с ними с физиками, химиками и прочими ботаниками. Не доверяют они друг другу, а может просто ревнуют к славе не своей, не знаю. Я же попытаюсь гармонию древней сказки проверить алгеброй научного факта. Тоже мы книги читывали, и про пышное, расцветающее не в теории дерево, знаем! «Время, начинаю про...» Стоп, стоп. Каюсь. Свернул

не туда. Уж больно хорошо учили в стране советской в школе и на ист. факе. (где я слово это «Фак» слышал? Уточнить.) Да, ладно, можно и про деда с бабкой! Всё гениальное просто! Надо начать, затем углубить, процесс и пойдёт. Вот до чего человека может довести сочетание высшего университетского юридического образования с учёбой на аграрном факультете природоведческого сель. хоз. института и скромное происхождение. Впрочем... В давние-стародавние времена, в одной маленькой стране, которая заботами своего курфюрста процветала, пахла и кучерявилась, жили были дедушка и бабушка. Вообще-то, лучше бы их называть гротфатер и гротмутер, но слова, мною произнесённые, являются иностранными, не для всех, чьё понимание имеет языковые проблемы, понятным будет. Мы начнём попроще. Жили-были дед, да баба! Поскольку жили они в германском княжестве, то была у них не изба, а маленький домик, покрытый красной черепичной крышей. Стены же, сложенные из белого кирпича, хорошо пространственно контрастировали с зелёной жимолостью живой изгороди и посыпанными желтым песком дорожками ухоженного, с яркими цветочными грядками внутреннего дворика. Скопленные в процессе длительной жизнедеятельности талеры вполне позволяли им поощрять свои маленькие капризы, как-то: завтрак, обед и ужин. Хватало на дрова для камина и на сливки для любимой кошки Гретхен, предмета любви и почитания престарелых владельцев дома. Целыми днями, да и вечерами, дед конструи-

ровал причудливые птичьи клетки, причём, форм изошрённых, которые весьма охотно приобретались окрестными жителями, а бабушка, если не готовила гороховый суп, или, там, айсбан, сидела и вязала длиннющий носок. Просто чудо наяву! Иллюстрация к рассказу средневекового германского писателя «Обеспеченная старость». И всё бы хорошо, но повадился в места эти тихие ходить чёрт с намерениями самыми гадскими. Людям жизнь портить. К одним заглянет, сына в войско курфюрста призовут. К другим, в огороде и на клумбах всё гусеницы сожрут. Детей к табаку приучает. Влез в доверие к правителю, тот ему на откуп всё население отдал. Да ещё указом потребовал, что бы все табак богомерзкий, кнапстером именуемый, потребляли. Поскольку сам чёрт был выходцем из страны чужедальней, то костюмы местные ему никак понравиться не могли. Дал взятку министру первому, так тот указом Кабинета заставил всех чёртово платье носить. Детей отбирать стали и направлять для изучения наук чертовских в места отдалённые. Взвыло население, да делать-то что? Уйдут в место укромное, и слезьми ревут. А чертяка совсем распоясался. Бить вас всех говорит буду, плакать не велю. Захочу – всех на завтрак съем, вовсе даже никого и никоим образом не помилую. Мне, – говорит, – от правителя вашего такой мандаторий выдан, что я, в-натуре, против всех вас здесь превозвышенной. Потом поймает кого, кто не успел убежать, да на остров, посреди пруда им же и насыпанный, в ссылку ссылает. Вопит бедный, бры-

кается. Что я там говорит делать буду? А чертяка ему в рифму со всем похабством. Мол: «островок пустынный, нету ни души. Так садись на жопу и муде чеши». Это он из песни своей излюбленной цитаты вырывает, да ими несчастных жителей германского курфюршества ошарашивает. Сразу все ему должны стали, даже те, кто у него ничего не занимал. А чего ты ему скажешь, коли он чёрт, да ещё и в законе? Попробуйте поймите, коли в разговоре разъяснения такие. У вас у всех деньги, они одинаковые, то-есть, вы сами отличить не можете, коли их в одну кучу смешать. А раз деньги одни на всех, то что твоё, то моё, а моё, оно и ранее было моё, им и будет! Короче, ссыпай манюшки, гольтепа! И напевай песенку про счастливую жизнь под рукою курфурста и моим чутким руководством! Ну, гадский чёрт, совсем отвязанный. Отморозок! Как есть, на всю голову отмороженный! Взвыли жители, которые ранее про себя думали, что они народонаселение, собрались на митинг протеста и пошли всем курфюршеским кагалом ко двору правителя. А там начали выбранные из них лучшие люди говорить, политику правителю, который её сам и внедрил, хулить, да разъяснять, негодования свои высказывать. Про чёрта, проделки его голосят, на остров специальный, местом заключения тюремного служащий, жалуются, чёрти чего несут, как говорится, фамилии не спрашивают! Распалились постепенно, задние на передних напирают, кто спереди стоял, уже к трону подошли. Понял государь земли местной, ****ец приближается мелкой, но верной по-

ступью, да как заорёт: С претензиями сюда, уроды, пришли, гниды, а сами до меня добираетесь? Чёрт вам не нравится, сам за вас возьмусь. Будете вы у меня ежиков против шерсти рожать. Молчать! Что! Ага! Вот я вас всех отоварю по гамбургскому счёту! Налоги на стол! Нау! Да я вам всем, поцам дырявым, мекленбургско-шверинским отстоям, червеобразный отросток на жемчужные талеры порежу, поджарить велю и всё медленно съест. Что бы прочувствовать успели! Арш лейкерс, ниht шайсе! И, солдатам! А ну, чудо-богатыри, в шпицрутены их. Ату, сволочь, а затем собак своих любимых не пожалел, спустил. Очень уж курфюрст о народе своём печалился. Знал, без мудрого руководства мужички местные от рук отобьются и новую Реформацию устроят! Тогда придётся уже не собачек и солдат с ихними шомполами беспокоить, настоящую кровавую баню устраивать. Такого его народолюбивое сердце представить в мыслях не хотело, не то что наяву! Раз сердце мыслить сподобилось – дело сурьёзное! В атаку! Разбежался народишко, плачет, на долю горькую друг другу жалуются. Глядь, – а между ними нет мужа той бабки, о которой в начале рассказа речь шла. Что делать? Ропот и шёпот по толпе пробежали, решили узнать, почему такой выдающийся член кагала как дед, не только их движение не поддержал, но и вовсе даже к ним присоединяться не желает? Выбрали людей самых лучших, специальных, выделяющихся из породы самцов вульгарис отменным уважением, из говорливых самых не молчунов, отправили, сами

на остров насыпанный побрели – туге своей, чёрной печали, предаваться, немного попьанствовать, да и с целью хоть для чего нововведение поганое использовать. Это ж революция умов. Так тебя чёрти что на отселение в качестве наказания пихает, а так ты сам приплыл в приятном обществе! Наука. Диалектика! Сидит дед, рейки приспособливает, обдумывает чего с куда тут соединить, бабка ложкой кусок зацепила из горшочка, на печке стоящего, пробует. А тут на тебе, нейборхуд разгневанный на протырку в ворота, с петель сорванные, прётся. Один даже плакат малый держит: Позор вероотступникам! И, по-немецки, «Дас ис фантастиш». Плохо дело. В одной пьесе мудрая мысль была «Если женщины дерутся, ты меж ними не вставай!» А если народ не просто вульгарно себе дерётся, а, конкретно, тебе люлей выдать хочет? Надо вставать? Есть ответ! Привожу: Ох, надо, и линять побыстрее. Поскольку народ сначала из тебя форшмак изделает, потом уже сожалеть, да печалиться будет. Типа: И за что мы стареньких под такой орех разделали? И сокрушаться: Всё ж, звери мы, не люди? Но ты этих сожалений и сокрушений не услышишь. Не уверен, что музыка будет играть в твоём доме, но деревянный костюм или платье – наверняка! Обеспечен! Стоп!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.